

ДУБРОВ

МАМОНТЫ

Военная проза XXI века

Дубров

**Мамонты. «Лейтенантская
проза» СВО**

«Яуза»

2025

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Дубров

Мамонты. «Лейтенантская проза» СВО / Дубров — «Яуза»,
2025 — (Военная проза XXI века)

ISBN 978-5-00155-787-6

Эта книга штурмового медика с богатейшим багажом боевых действий за спиной, настоящего профессионала, патриота и русского воина – Дуброва. Эта книга посвящается всем сотрудникам компании, живым и павшим для кого кодекс являлся не случайным набором фраз, а жизненным кредо. Эта книга – воспоминания о тех временах, когда компания была отдельным миром, закрытым от внешнего мира и взглядов прохожих. Эта книга – реальная история штурмового медика в рядах штурмового отряда ЧВК «Вагнер» во время боев за Триполи. Самой закрытой части истории компании. Закрытой и самой яркой. Результативной и увлекательной. Кто был в Триполи, никогда не забудут тех событий, узнать о которых, вы сможете в этой книге. В связи с недавними событиями в Мали, эта книга также посвящается памяти павших воинов. Сегодня она публикуется в поддержку «Русича», командира 13-го ШО, одного из героев, фигурирующих в книге. Его подвиги и заслуги перед страной – не вымысел или сухая правка в наградном. Достойный воин и командир. Мы с тобой, брат. Все события реальны. Все действия невыдуманные. В честь годовщины гибели руководства ЧВК «Вагнер» и в память о людях, создавших самое сильное подразделение в мире, представляем книгу «Мамонты». В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00155-787-6

© Дубров, 2025

© Яуза, 2025

Содержание

От автора	8
База	9
Фильтр	13
САРатов	16
Танкодром	20
Липецк	24
Триполи	25
Северная деревня	42
Кривой	50
Рамадан	51
Выход	54

Дубров Мамонты

© Дубров, 2025

© Абеленцева А., (худ.), 2025

© ООО «Яуза-каталог», 2025

* * *

Из тех, кто был крещен в Днепре
и выстоял под Сталинградом,
Кто на Седьмое ноября в окопы
уходил с парада,
Кто приносил присягу красным стягам,
Что позже гордо бились над Рейхстагом...
Из тех, кто наступал по льду Чудского,
Кто был в ряду дружин Донского
До и после поля Куликова,
Кто кровью отвечал за данное Отчизне слово.

(Интервенция – Лучшая страна на свете.)

Памяти трагически погибших 23.08.2023 при невыясненных обстоятельствах Пригожина Евгения Викторовича и Уткина Дмитрия Валерьевича посвящается...

А также:

Всем тем, кто устраивался в компанию еще по рекомендации и под поручительство товарищей, которые наравне с ними несли полную ответственность за его косяки, если таковые вскроются.

Тем, кто вырос с Афгана, Югославии, Кавказа, 08.08.08., Хрящеватого, Луганского аэропорта, Металлиста, Счастья, Песок, Славянска, Горловки, Дебальцево, Донецкого аэропорта, тем, кто имел поверхностное представление о военном деле, отслужив лишь срочку и от силы пару контрактов, тем, кто даже не служил в армии, но, придя в компанию, из первой же командировки вышел уже матерым волком.

Тем, у кого по прибытии на позиции после получения штатного вооружения в соответствии с занимаемой должностью интересовались, известно ли ему, как сложилась судьба предыдущего оператора ПК, РПГ, НСВ, АГС, ДШК или же просто АК, и в подробностях рассказывали обстоятельства гибели или получения ранения выбывшего из строя товарища, на место которого прибыл первоход, подвергая последнего жесткой психологической обкатке еще до первого боя.

Тем, кто зарабатывал личный авторитет в компании, равно как и должность, только в бою – и никак иначе.

Тем, кто тогда еще не знал, что такое «джамбо», а за показательное ношение атрибутики, ассоциированной с компанией, расплачивались здоровьем в контейнере, а не лайками в соцсетях.

Тем, кто наряду с заключением трудового договора на выполнение работ по сбору информации о нефтяных и газовых месторождениях посредством фотографирования в качестве оператора ООО «Европолис» подписывал согласие на применение в отношении себя понятия «Особая Ответственность» в случае невыполнения или отказа от выполнения боевой задачи, а сама суть данного понятия доходчиво разъяснялась сотрудниками Особого отдела при

индивидуальном собеседовании, кто подписывал разрешение на кремирование и на свое захоронение за пределами РФ в случае невозможности вытащить тело, форму 003, отказ от государственных наград, а когда получал их после боевой командировки – подписку о неразглашении.

Тем, кому Черный крест стал дороже ордена Мужества.

Тем, кто числа 500 рядом со своим позывным боялся гораздо больше, чем числа 200.

Тем, кто потел на полиграфе при вопросе: «Ваши близкие родственники знают о характере Вашей работы?» и кто наглушняк валил полиграф по всем вопросам, потому что на контрольный проверочный вопрос, в котором надо было соврать, когда называли твое имя, – соврал не моргнув глазом, так как крайние лет 5 отзывался только на свой позывной и не мог навскидку вспомнить свое собственное имя, не заглянув перед этим в паспорт.

Тем, кто заходил в «OZмолл» практически неотличимым от лица без определенного места жительства, а выходил белым человеком в новых брендовых шмотках и с новым дорожным чемоданом вместо выцветшего потертого баула.

Тем, кто вырос из обычного бойца до взводника, замполита, замполбоя, командира отряда, но все так же продолжал ходить на штурмЫ в боевых порядках наравне со всеми, нередко вырываясь в головняк.

Тем, кого Девятый знал лично и кому каждый раз при встрече жсал руку – независимо от занимаемой в компании должности.

Тем, кто до сих пор скитается по госпиталям еще с Горной Латакии, Пальмиры, Шаира, Аккербата, Дейр-эз-Зора и Триполи...

Всем тем, кто никогда не давал заднюю, не отступал и не сдавался в плен.

Тем, кто отдал свою жизнь и здоровье за Компанию и Отечество...

Всем М-амонтам посвящается...

От автора

Когда я только начинал писать эти строки, не только компания, но и страна была другой... Время не стоит на месте – все течет, все меняется, и, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. О событиях крайних лет многие знают не хуже, а то и лучше меня, и, как дословно говорилось в одной всем известной песне «Сектора Газа – «...Но с ебучим темпом инфляции я заебался тексты переписывать, так что пусть в этой песне все остается как было», вот и здесь пусть все остается как было, как было ТОГДА...

Да, компания была далека от идеала, но очень сильно к нему стремилась – здесь не делили людей по национальности, вероисповеданию, каким-то своим жизненным убеждениям и принципам, а бывшие заслуги отдельно взятого человека хоть и весьма ценились, но играли второстепенную роль – здесь каждый начинал свою жизнь, свой боевой путь заново, и нередко первый же штурм определял дальнейшую судьбу сотрудника и его положение в этом новом для него обществе.

База

На базе была своя, ничем не объяснимая, пронизывающая до мозга костей энергетика и атмосфера. Эти несколько сотен квадратных метров, по периметру окруженных забором с колючей проволокой и камерами видеонаблюдения, в самом центре Краснодарского края либо принимали человека и навсегда становились его местом силы, вторым, а для кого-то и нередко первым домом, либо отталкивали. База была словно другим миром, переступив порог которого, человек менялся навсегда и обратно уже выходил другим... Доктор не знал, с чем это связано: с бешеной энергетикой, исходящей от людей, стекавшихся сюда со всей России на войну за все эти годы, или в этом были замешаны какие-то высшие силы, но факт оставался фактом.

– Здорово, парни! Вы по какому вопросу? – спросил через решетку в заборе дежурный КПП, внимательно оценивая и изучая новеньких. Что-то в его внешности было немного атипично, и только внимательно присмотревшись к манере его походки и скованности малость неуклюжих движений, доктор заметил, что у него вместо левой ноги был протез, а у сидевшего внутри КПП сотрудника, проверявшего документы, и вовсе не было части черепа – здесь даже присматриваться не надо было, чтоб заметить то, что данный дефект не был следствием каких-либо пороков развития в утробе матери – данную корректировку в его внешность внесла пуля, о чем свидетельствовало отсутствие клока волос и ярко выраженное входящее отверстие калибром 7.62. Эти парни были теми, кому не повезло при выполнении условий контракта. Хотя с какой стороны посмотреть – они остались живы и не превратились в овощей, а принцип Евгения Викторовича – не бросать своих сотрудников, попавших в тяжелую ситуацию, ни при каких условиях – дал им шанс на вторую жизнь и возможность зарабатывать вдвое больше, чем подавляющее большинство жителей Краснодарского края и других регионов, имевших гораздо больше физических возможностей для этого.

В случае получения тяжелых увечий Компания всегда старалась обеспечить парней работой, помимо пожизненной пенсии, не делая из них изгоев общества и не оставляя один на один со своей дальнейшей судьбой.

Для необстрелянных новичков или случайных людей, решивших испытать удачу, заработать легких денег, пытающихся сбежать от рутины, думая, что те жизненные трудности, с которыми им предстоит столкнуться в командировке, – сущие мелочи по сравнению с их тещей или вечно недовольной в своем когда-то подающем надежды выборе женой с маленькими детьми на руках, – эти парни были первым серьезным психологическим барьером и живым примером, наглядно демонстрирующим один из предполагаемых вариантов окончания контракта.

– Родину защищать приехали! Шутка! По поводу трудоустройства в компанию! – настроение у доктора было просто чудесным. Долгожданный загранпаспорт грел сердце в левом нагрудном кармане, и от работы мечты любого мужчины, воспитанного в духе воинских традиций нашей более чем тысячелетней истории, его отделяла всего пара шагов.

– Одну секунду... Фугас, КПП! – «На связи! – Подойди! – «Принял! – состоялся короткий радиообмен по рации, висевшей на груди у дежурного.

– Кто такие, откуда? – коренастый лысый мужчина 45 лет внимательно изучал наши паспорта, время от времени бросая цепкие взгляды из-под мощного широкого лба. Это был тот самый Фугас, начальник фильтра, отвечавший за всех кандидатов, претендующих на устройство в компанию.

– «Ростовские мы! – немного слукавив, ответил доктор. Он был уроженцем Бахмута, который все еще оставался под контролем украинской армии, и, не желая быть посланным куда подальше, даже не переступив порог, он решил скрыть свое «неарийское» происхождение до собеседования с сотрудником Особого отдела.

- А ты че с сумкой медицинской, медик, что ли? – оживился Фугас.
- Да, доктор! – незамедлительно последовал ответ.
- Отлично!!!

Профильные специалисты в компании всегда были востребованы, особенно медики. Фугас уже размышлял, кто из командиров станет ему немного должен, если новенький пройдет отбор и в дальнейшем действительно окажется отличным специалистом. То, что Земля имеет форму шара, известно уже давно, но на войне этот принцип испокон веков действовал на все 100 процентов, и Фугас как старый опытный солдат знал этот принцип получше многих и всегда старался иметь хорошие отношения со всеми и возможные пути отхода.

– Так, а твои где? – перевел он взгляд на Гуда.

– Хм, это че за военник такой странный? Чего, блядь?! Командир разведывательно-диверсионной группы Донецкой Народной Республики?! Спрячь на хуй и больше никому не показывай!.

Отношение к выходцам из ЛДНР в компании в те годы было, мягко говоря, не очень.

– Раньше в компании работали? – продолжал опрос Фугас.

– Да, в 16-м году была командировка в составе подразделения «Карпаты», – ответил мой боевой товарищ Володя с позывным Гуд, который до этого стоял молча и анализировал все происходящее вокруг. Гуд был повернут на войне и наверняка уже прикидывал в уме, как лучше произвести штурм базы или снять часовых с периметра. Нет, он, конечно, не собирался такого делать, просто это был для него своего рода мозговой штурм.

Коренной одессит, выросший без отца, воспитанный улицей, Володя после школы отслужил срочку в ВВС Украины и работал на стройке, сначала рабочим, затем сколотил свою бригаду и стал прорабом. Он отличался крутым нравом, который совершенно не вязался с его внешностью, но это впечатление было обманчивым.

2 мая 2014 года он оказался заблокирован в горящем Доме профсоюзов вместе с другими активистами антимайдана. Был ранен и чудом остался жив, выпрыгнув из окна второго этажа, затем сразу же уехал в Славянск и вступил в ополчение – всего за пару месяцев став настоящей легендой этой войны. В июле 2014 года в тяжелейших боях за Шахтерск Володя забрался на дерево и с близкой дистанции со «шмеля» сжег танк, который раскатал наш блокпост и стоял на его месте – нагло и безнаказанно уничтожая наши огневые точки. Затем Володя расстрелял десант укропов, которым повезло чуть больше, чем экипажу горящего танка. В итоге он уничтожил 14 бойцов противника помимо танка. Затем через пару месяцев во время встречного боя в поле на открытой местности Володя увлекся и вырвался вперед, получив тяжелое ранение в пах гранатой, выпущенной из подствольника. Подбежавший к нему укроп добил Гуда в упор тремя выстрелами, прострелив ему обе ноги и левую руку, и залег позади Володи в 10 метрах, ведя огонь по нашим. Уцелевшей рукой Володя взял гранату и с трудом подтянул ее к кисти левой, которая, к счастью, работала, и, кое-как вытянув чеку, забросил гранату прямо за шиворот лежащему сзади укропу. Так что в определенных кругах Володя в представлении совершенно точно не нуждался.

– Извини, братик, приказ Девятого – из «Карпат» никого не брать, а ты, доктор, проходи, пойдем!

Обнявшись и попрощавшись с Володей, доктор переступил порог базы, который стал чертой, разделившей жизнь на до и после.

Володя стоял в полной растерянности, сжимая кулаки, играл скулами. Во время весенней командировки 2016 года, находясь в разведвыходе, группа, которой он командовал, попала в засаду. Двое из четверых бойцов сразу же выбыли из строя, получив серьезные ранения, а Володя вдвоем с товарищем отбивались до последнего, сдерживая натиск духов, и когда у него осталось чуть больше половины крайнего магазина, он поднялся во весь рост и, работая одиночными, пошел в атаку, отбив у духов РПГ, пулемет и два АКМа, которые позволили

продержаться им до подхода основных сил. Тогда он единственный из отряда был награжден перед строем именными командирскими часами за проявленные мужество и героизм, а теперь вот стоял в полной растерянности с остатками денег в кармане, которых едва хватало на кофе и обратный билет, и не знал, что делать дальше. Для него, человека, который крайние 5 лет своей жизни жил только войной, это было сильным ударом. Как выяснилось позже, никакой личной неприязни у Девятого к командиру «Карпат» Весне не было. Просто наверху уже было принято решение о возобновлении набора в это подразделение, состоявшее из граждан некогда бывших республик одного Государства, занимавшего 1/6 часть суши, и руководство компании таким образом упреждало утечку кадров из «Карпат» в другие отряды. Володя через месяц все-таки будет принят в компанию, а еще через три – разведвзвод, которым он будет командовать, в результате успешной засады возьмет в плен в тылу противника духовского зампотыла бригады, который даст Володе, знавшему 415 относительно честных способов (которые могли бы привести в дикий ужас даже самого морально стойкого уполномоченного по правам человека) развязать язык, весь расклад по логистике ИГИЛовцев в эту североафриканскую страну при прямом участии Турции через ее территорию. После доверительной и теплой беседы ценный информатор украсит своими мозгами забор внутреннего двора наблюдательного пункта разведвзвода и будет каждый раз поднимать настроение темно-красным пятном, похожим на солнышко, отправляющимся на выход разведчикам, а Володя пополнит ряды кавалеров ордена Мужества.

Одновременно с тем как доктор переступил порог базы, с крыльца корпуса, стоящего справа от КПП, бесшумно отделилась огромная мощная фигура с не менее внушительной черной бородой и крепкими руками, больше похожими на медвежьи лапы покрытые скандинавскими рунами, все это время внимательно наблюдавшая за происходящим на КПП, и плавно направилась к Фугасу с новеньким. Похоже, полевая медицинская сумка доктора заинтересовала не только Фугаса. Этого здоровяка, который в темноте вполне мог сойти за медведя, стоящего на задних лапах, легко можно было бы принять за викинга, который только что сошел на землю со своего боевого драккара, если бы не современные джинсы и модный свитер. Приблизившись вплотную, здоровяк поинтересовался: «Медик, что ли?! – Да, медик! – ответил доктор.

Викинг кивнул головой и так же плавно, будто по воздуху, удалился обратно. Фугас, который в этот момент, казалось, уменьшился вдвое, облегченно выдохнул: похоже, здоровяк был здесь в большом авторитете. Это был Русич – замполит отряда Большого, больше известного как Кэп. Человек редкой храбрости, ветеран Ростовского ОМОНа и профессиональный спортсмен.

В будущем, когда мне довелось первый раз увидеть его в бою, в голове автоматически всплыл прообраз знаменитого политрука Еременко или героя Сталинградской битвы генерала Родимцева. Русич не прятался за громкими лозунгами и спинами бойцов, а наоборот – предпочитал идти в атаку впереди всех, даже в те моменты, когда, казалось бы, головы поднять невозможно, он поднимал в атаку бойцов, увлекая их за собой. Также в Ливии он не единожды был замечен бегущим впереди танка союзников и дающим ему целеуказания правой рукой – и все это в условиях тяжелых городских боев с очень плотной застройкой, где экипаж танка априори считался смертниками, не говоря уже об этом сумасшедшем русском. Хотя таковым он был только по мнению тех, кто сидел в танке, и тех, кто был на противоборствующей стороне. Дома его ждала жена, трое детей и строящийся дом, поэтому мотивации в работе ему было не занимать, а та досадная мелочь, что противник имел 20-кратный численный перевес, полное господство в воздухе и современные виды вооружения, наоборот, вызывали у него определенный восторг и расчет на достойную премию по окончании полугодового контракта.

Бросив вещи у входа в фильтр, Фугас повел доктора в отдел кадров для оформления обходного листа. Во главе стола сидел не уступающий Русичу в габаритах Хрусталь – начальник

отдела кадров компании. Он обладал сильнейшей харизмой, незаурядным интеллектом, знал и помнил не только по позывным, но и по именам подавляющее большинство сотрудников компании, а когда после боевых командировок он вручал отличившимся бойцам государственные награды, то создавалось стойкое ощущение, что ты стоишь не в отделе кадров компании, а в зале Большого Кремлевского дворца. Вадим Палыч, так звали Хрусталя, казалось, был просто рожден для этой должности.

Во время беседы дверь бесшумно отворилась – и позади доктора образовалась огромная тень.

– Так, тебе че надо? Иди отсюда! Он в «Пятерку» идет, там с медиками проблемы! У вас и так полный штат! – отреагировал на появление Русича начальник отдела кадров.

– Да, да, хорошо! Я просто здесь постою! – ответил ему внимательно следящий за всем происходящим в кабинете Русич.

Фильтр

Фильтр был практически пуст, за исключением одной койки, которую занимал крепкий парень лет сорока с татуировкой «ВДВ» на правом плече. Поздоровавшись и расположившись, доктор принялся заполнять анкету, параллельно знакомясь с новым товарищем. Дима оказался отличным, спокойным, рассудительным парнем, долгое время проработавший в шахте подрывником (за что получил в кадрах позывной «Метан»), после разногласий с начальством решивший кардинально изменить свой образ жизни и сменить его на более привычный, отслужив не один контракт в воздушно-десантных войсках и пройдя не одну горячую точку, этот мир ему был более понятным и привычным, чем гражданка.

Утро началось со сдачи физподготовки: пробежав 5 км, не успев отдышаться, доктор с Метаном тут же оказались на спортплощадке, где приступили ко второй сдаче физподготовки. Без отличной физической формы в конторе делать было нечего.

После сдачи, умывшись, позавтракав и почистив зубы, они отправились в административный корпус – заполнять обходной лист со множественными службами, каждая из которых должна была дать свое разрешение на трудоустройство кандидата. Но самой серьезной из них была, конечно же, Служба безопасности, она же Особый отдел, без одобрения которой дальнейшее пребывание их на базе было бы не то что невозможно, но и могло закончиться в очень ограниченном пространстве с весьма плохими условиями содержания и обращения, в так называемом «контейнере», который, собственно, и представлял собой контейнер для перевозки грузов по морю, только здесь, на засекреченной базе организации, которой не существует, выполнявший роль местной тюрьмы – со своим уголовным кодексом и нормами морали.

Особый отдел был разделен на несколько кабинетов, над дверями которых висели колонки, откуда с утра до вечера звучали песни AC/DC, таким образом маскируя суть разговоров, которые велись за этими дверьми. Постучав и получив добро на вход, доктор оказался в кабинете, за столом которого сидели двое мужчин. Один – совсем молодой парень со светлыми волосами, больше напоминавший стажера, хотя цепкий и хитрый взгляд говорил о том, что первое впечатление зачастую обманчиво, а второй... Второй заслуживал отдельного внимания: одетый в джинсы и рубашку с коротким рукавом, открывающую мощные, накачанные, как у Сильвестра Сталлоне в лучшие годы, руки, покрытые татуировками из японской мифологии, и с гладко выбритой головой, возвышался мощным торсом над поверхностью стола, за которым он сидел. Дружелюбный на первый взгляд его вид был ошибочным, чем дольше этот человек пронизывал сканирующим взглядом новенького, тем сильнее доктор ощущал, как яички у него принимают нефизиологическое положение, втягиваясь в брюшную полость, откуда вышли в процессе эмбрионального онтогенеза, то есть формирования его как плода, целых 28 лет назад.

– Ну, присаживайся, рассказывай, зачем пожаловал? – начал беседу бритоголовый самурай. Это был Рэд, страшный сон для многих сотрудников компании, отличавшийся особой жесткостью в вопросах отбора кандидатов. Пройти собеседование с ним, имея за спиной какие-либо сомнительные моменты в биографии, было не только практически невозможно, но и вдобавок кандидат имел все шансы закончить свое трудоустройство воспитательной беседой в контейнере.

– Да как и все – работать хочу! Людей спасать и Родине быть полезным. Все необходимые навыки имеются! – отвечал доктор.

– Имеются, говоришь? Ну, это мы сейчас проверим! – Рэд стал задавать вопросы, касающиеся оказания первой помощи раненым на поле боя, причем ставил их настолько профессионально и так хорошо владел материалом, что доктор почувствовал себя так, словно находился на экзамене в институте. Сразу стало понятно, что этот матерый сотрудник особого отдела закалился не в одном тяжелом бою и все то, о чем говорил, прочел не в методическом посо-

бии. Впрочем, он не был единственным в этом плане, все сотрудники Особого отдела, включая его начальника Руслана Богдановича – тихого, скромного, воспитанного человека, о котором ходило множество легенд, и его зама, светловолосого интеллектуала с отличным, хоть и весьма своеобразным чувством юмора Пазика – имели за плечами не одну кампанию, а большинство еще и множество ранений, нередко тяжелых. В этом и был один из главных принципов эффективности компании, созданной Евгением Викторовичем: достичь чего-либо значимого в конторе и занять любую ступень повыше можно было, лишь доказав свою личную преданность идеалам его дела: только в бою – и никак иначе.

Сам Девятый нередко ходил в атаку вместе со всеми и неоднократно был ранен, в том числе и тяжело. Девятый каждый раз, стоя перед штурмовиками и напутствуя их перед боем, повторял переименованную любимую им фразу из рекламы «Спрайта» 2000-х годов: «Запомните, парни! Наши жизни ничто, репутация компании – все!» В той сфере услуг, оказанием которых занималась контора, утрата репутации действительно была сродни смерти.

О чем говорить, если, по слухам, даже единственный сын Первого, Паша, откатал не одну командировку в штурмах. В компании не было блатных, приближенных и прочих «льготных» категорий, свойственных для коррумпированного с самого низа и до верха одного печально известного оборонного ведомства. Здесь все было по-честному – и авторитет зарабатывался только в бою, кем бы ты ни был.

Подтвердив свой диплом на одной из самых сложных защит в его жизни, доктор, несмотря на свое не совсем «арийское» происхождение, получил одобрение на дальнейшую трудовую деятельность в компании от Рэда:

– Ладно, доктор, я тебя пропускаю, медики нам очень нужны! Работай только хорошо – оправдай мое доверие!» Доктор в приподнятом настроении пошел заканчивать формальности с трудоустройством: после одобрения сотрудника СБ, а тем более такого, как Рэд, это уже было вопросом времени. Несмотря на жесткий прессинг, часто граничащий с наездом, доктор претензий к Рэду не имел. Он был отличным психологом и качественно делал свою работу – сотрудники, проверку которых он проводил, отличались высоким качеством, и за редким исключением большинство из них достойно показали себя в грядущих боях.

Оказавшись снова в отделе кадров, Вадим Палыч вручил доктору жетон с личным номером и коротко резюмировал:

– Удачи тебе, направляешься во второй отряд! – Пойдем доктор! – сказал опять возникший словно из-под земли Русич, положив тяжелую руку ему на плечо.

– Кацап! Покажи доктору, где наш кубрик! – перехватив шустрого худощавого паренька, поставил ему задачу замполит.

– О, доктор? Доктор – это хорошо! – радостно воскликнул Кацап и, схватив сумку доктора, закинув ее на плечо, повел его в расположение 2 ШО¹. Тогда никто из них двоих даже представить не мог, насколько ключевым станет это внезапное знакомство в судьбе Кацапа.

Покончив со всеми формальностями и получив жетоны, доктор с Метаном, оказавшись в одном отряде, стали готовиться к убитию.

– Доктор! К Русичу в кубрик зайди! – бросил на ходу отрядный сапер Жора.

Русич был человеком хоть и весьма справедливым по жизни, но со своим характером и привычкой никому не доверять до конца, поэтому доктора ждал еще один экзамен – любимый вопрос Русича по медицинской части, который он считал своим долгом задать каждому новому медику в отряде. «Сколько видов кровотечений знаешь? – спросил Русич, сверлящий взглядом доктора.

– Капиллярное, венозное, артериальное, паренхиматозное и смешанное! Это по типу кровоточащего сосуда, еще есть по срокам и среде изливания, ну и месячные – как вид физиоло-

¹ ШО – штурмовой отряд.

гического кровотечения, если тебя прямо уж все интересует! – выпалил практически одним предложением доктор, вспомнив с содроганием тех, кто наводил на него ужас задолго до знакомства с нынешним экзаменатором и в свое время был пострашнее таких парней, как Русич, врачей старой школы и закалки, преподававших хирургию в его родной альма-матер. Тогда, 10 лет назад, когда еще сам Девятый охранял торговые суда и даже не мечтал о собственной ЧВК, доктор и большинство его одноклассников молились на каждой паре про себя за упокой очередного такого препода 80 или 93 лет, которые никак не желали отходить в мир иной, крепко цепляясь за жизнь, и насиловали мозг еще вчерашним школьникам. Теперь же, уже успев поучаствовать в серьезном военном конфликте, в войне на Донбассе, доктор был чрезмерно благодарен им за столь обширные знания и не раз вспоминал с огромной благодарностью.

– Че, до хуя умный, что ли?! Свободен пока что! Лично над тобой шефство возьму в командировке. Иди готовься! – махнул рукой буквально на миг улыбнувшийся Русич. Информация, полученная от доктора, значительно расширила кругозор его знаний и выходила за пределы методички для сотрудников МВД 1994 года издания, а отклонений и неточностей мозг Русича, претерпевший профессиональную деформацию за годы службы в ОМОНе, не любил, но тонкий армейский юмор всегда был у него в почете.

Доктор лежал в кубрике на кровати и читал книгу о военно-полевой хирургии, освежая в памяти знания, как вдруг короткой вибрацией отозвался его телефон. Окно, всплывшее поверх основного экрана, донесло короткий, но трагичный месседж: «Меченый 200». Это было сообщение из мира, который остался там, за забором этой базы, – о мире, в который ему еще предстояло попасть.

Для Меченого это была уже третья война, которая закончилась, едва начавшись. Только прибыв на позиции, он стоял в кузове «Урала», скидывал оттуда личные вещи товарищам и, схватив свои, уже собирался прыгать на землю, но ракета, выпущенная из ударного дрона, угодила прямо в кузов, раскидав всех, кто стоял в радиусе двадцати метров. От Влада, имевшего рост два метра и весившего больше центнера, осталось всего лишь 58 кг, его кремировали и похоронили в Ростове-на-Дону через пару недель после гибели.

Новости о Ливии, само упоминание о которой находилось под строжайшим запретом на базе, были жуткими и неутешительными. Даже сама энергетика на базе была крайне напряженной и гнетущей – информации имелось мало и доходила она короткими отрывками, но все спинным мозгом ощущали важность того, что происходит в этой пока еще далекой для нас стране.

САРАТОВ

Рано утром, проверив личный состав, Русич дал команду грузиться в автобусы, и, похватав свои вещи, мы начали спешно занимать места для убытия на военный аэродром, с которого старенький, но надежный Ил-76 доставил нас в аэропорт Хмеймим для прохождения пункта досмотра. Прогнав наши личные вещи через рамку под внимательными изучающими взглядами военных, которые уже какой год все никак не могли привыкнуть к наплыву столь колоритных персонажей с серьезными лицами, мы вышли с другой стороны здания и, также погрузившись в автобусы, убыли на завод Хаян, носивший кодовое название «Каракум».

К обеду добрались до завода, и Русич построил нас в длинную шеренгу для инструктажа, который проводил человек, о ком многие из нас слышали еще задолго до устройства в контору, но большинству только сейчас довелось увидеть его первый раз.

Кэп стоял напротив нас, огромный, двухметрового роста, крепко сложенный мужчина средних лет с хорошей выправкой, выдающей в нем профессионального военного, с густой суживающейся книзу бородой и добрым (насколько это возможно для человека, прошедшего три военных кампании на тот момент) лицом. От него шла волна спокойной и уверенной энергетики, которая передавалась всем нам. И без того впечатляющий образ Кэпа дополнял огромный горящий факел пламени из месторождения нефти прямо за его спиной и четки в правой руке, которые он монотонно и сосредоточенно перебирал.

Вылитый Люцифер, только на место Бога он не претендовал, ему гораздо больше нравилось быть командиром отряда штурмовиков и регулярно заявляться в ад с инспекцией, приводя его обитателей в ужас. Придя в отряд обычным бойцом, еще на рассвете компании, он прошел путь от пулеметчика до замполита и вскоре возглавил его.

– Рюрик! А ты че здесь делаешь? Я слышал, ты в «Редут» собирался? – неожиданно обратился он к высокому худощавому парню с множеством занятных татуировок на предплечьях, излагающих крайние пару лет его жизни, и, судя по рисункам, она была весьма богатой на события, закончившиеся тяжелым ранением.

– Командир, ну, если бы я собирался, то, наверное, был уже там? А так я здесь, в одном строю с вами! – приводил аргументы в свою защиту Рюрик.

– Лаааадно, я понял! – лицо Кэпа расплылось в дружественной улыбке.

– Слушайте все меня внимательно, для тех, кто меня не знает, я – Кэп, командир отряда, в котором вам выпала честь представлять нашу славную Родину за ее пределами! Я уже неоднократно говорил и повторю снова: основная цель нашего пребывания здесь – не только заработать деньги, но и потратить их по возвращении домой, поэтому я хочу, чтобы вы с особой серьезностью отнеслись к своему пребыванию здесь, помните, что дома остались и ждут вас те, ради кого вы сюда приехали, как бы абсурдно это ни звучало! Вас здесь сейчас стоит 95 человек – по выходе домой вас должно быть столько же, живыми или мертвыми, но лучше живыми! Сейчас Буш распределит новеньких, затем на «Яме» получаете оружие и завтра убываете на позиции! Удачи, парни!

Закончив приветствие, Кэп дал указания командирам заниматься личным составом и перешел к неформальному общению с прибывшими «старичками» – те, кто, достойно отработав контракт, вернулись снова, уже зная, что их может ждать и что такое война, вызывали у Кэпа уважение и представляли собой костяк отряда.

Начальник штаба Буш – калмык по национальности, смуглый, с блестящими на солнце черными волосами и в солнцезащитных очках, более походивший на героя боевиков 90-х, стоял во время построения по правую руку от Кэпа и внимательно изучал новеньких. Теперь ему предстояло распределить их по подразделениям.

– Ты медик, что ли? – спросил он стоящего напротив и плывшего от непривычного палящего сирийского солнца доктора.

– Да, доктор! – последовал ответ.

– Прямо врач? – врачи в компании, а тем более в штурмовых отрядах, были редкостью.

– А что заканчивал? – продолжал интересоваться Буш.

– Ростовский медицинский! – о том, что основное обучение доктор прошел в Луганске, он решил тактично умолчать. Достаточно было осведомленности об этом Особого отдела и Русича, который потом еще долго будет присматриваться и считать доктора агентом ЦРУ. Без шуток!

– Хорошо, будешь снайпером! – После состоявшегося короткого диалога с начальником штаба у доктора отвисла челюсть.

– Как снайпером? – удивленно воскликнул он.

– Все вакансии медиков сейчас заняты, подожди немного! – ответил Буш.

Получив на «Яме» СВД и АКС 74-У, в узких военных кругах больше известный как «ксюха», доктор с широко открытым ртом рассматривал неожиданно привалившее «счастье», а Кэп, в это время беседовавший с Катетом в тени, падавшей от контейнера, с не менее удивленным лицом рассматривал самого доктора, который в оптический прицел любовался окрестностями и громко выражал свои эмоции по этому поводу, а когда последний потребовал от РАВиста Техника заменить бракованные магазины от СВД на нормальные (кто ж знал, что патроны надо вставлять туда так же, как в магазин от ПМ), Кэпу стало совсем не по себе – и мысленно он уже представлял, как будет «благодарить» кадровиков при встрече за столь высокое качество присылаемых специалистов.

Вечером, разыскав доктора, который повел заболевшего Фокстрота в медпункт с помощью все того же Техника, Кэп, познакомившись лично с доктором, объяснил, что произошла ошибка, и назначил его санинструктором в медицинскую группу отряда. Карьера снайпера закончилась так же стремительно, как и началась, впрочем, сожалений по этому поводу ни у кого не было.

Забрав Фокстрота из медпункта, доктор в отличном настроении вернулся в палаточный лагерь.

– От души, доктор за беспокойство, давай присаживайся, чай пить будем! – настроение Фокстрота, которому только что удалили сильно досаждавшую ему атерому, было отличным.

Они с Катетом оба родом из Хабаровска, дружили не один десяток лет, и по сценарию их жизни можно было снять неплохой боевик. Им обоим было под полтинник, хотя выглядели они максимум лет на 35–40 – невысокого роста, жилистые, веселые, никогда не унывающие добрые парни. В далеком прошлом бойцы ОМОНа, которые настолько сильно посвятили себя борьбе с организованной преступностью, что перешли на сверхурочные, или, как еще говорится, стали брать работу на дом – в один прекрасный солнечный день в одном из заброшенных городских карьеров пытались втолковать быкам из местной группировки, что градус их крутости совершенно не соответствует заявленному и все их претензии к уважаемому в городе коммерсанту абсолютно лишены смысла. Когда разговор зашел в тупик и диалог резко перестал быть продуктивным, Катет достал из-за пояса ствол и выстрелом в упор «поинтересовался», есть ли у упрямого быка мозги. Мозги, как оказалось, у него были. За столь оригинальный способ любопытства Катету дали 10 лет строгого режима, а сидевшему на стреме за рулем автомобиля Фокстроту – восемь. Где еще можно было встретить в одном месте столько интересных людей, как не в компании, и, что самое главное во все времена, – людей, способных на поступки?!

Рано утром, умывшись и наспех позавтракав, вновь прибывшие убыли на поля Шаир, бои здесь уже были в прошлом, но доверить контролировать огромные нефтяные месторождения территорией в десятки квадратных километров местным аборигенам было не самым разумным решением.

Доктора разместили на самой вершине горы, служившей базой наемникам. Здесь располагался штаб и узел связи с необычным названием «Кокос». Пару лет назад в апреле, всего через пару дней после того, как эту позицию отбили у духов, здесь состоялся один из самых тяжелых боев за всю историю компании. Стоявшие на «фишке» часовые «проспали» стремительно ворвавшихся на позиции духов, которые шли тремя волнами – сначала смертники с поясами шахидов врывались на позиции и тут же подрывали себя, за ними следом шли отборные игольцы, имеющие за плечами немалый военный опыт, и уже следом, третьей волной, накатывались отлично подготовленные фанатики.

Рано утром, как только начало светать, наши пошли в контратаку предприняв очередную отчаянную попытку выбить духов. Повернувшись влево, пулеметчик Ворон и командир отделения Андрюха Бугор увидели двух духов, судя по всему, находящихся в состоянии жесточайшего наркотического опьянения, которые шли в наших боевых порядках и вели контактный бой со своими же товарищами. Незадачливых перебежчиков тут же законтролили выстрелами в голову практически в упор. Бой был настолько жестким, что гранатами обе стороны кидались, как снежками на школьной перемене в детстве, а залегший позади, выбрав сторевающий танк в качестве укрытия, Смайлик работал уже не по конкретным классическим целям, а бил по направлению выстрелов, демонстрируя просто чудеса снайперского искусства. Когда в этом адском огне все перемешалось до такой степени, что невозможно уже было разобрать, кто и с кем дерется, Смайлик услышал сливающиеся в один гортанные крики: «Ну все, блядь, сдали высоту! Духи «Аллах акбар» орут! – в сердцах подумал он. Но, прислушавшись, уловил что-то знакомое и стал отчетливо разбирать знакомые до боли с детства каждому слова: «Россия – любимая наша страна! Могучая воля, великая слава – твое достоянье на все времена! Славься, Отечество... – это наши затянули во весь голос гимн и, собравшись с последними силами, выбили духов с высоты.

Дима, так звали Смайла, был родом с Урала, из Перми. До прихода в компанию он профессионально занимался легкой атлетикой, рукопашным боем, в молодости пытался поступить на службу в Нижневартровский СОБР, но ему отказали без объективных на то причин, однако Смайл не отчаялся и освоил гражданскую профессию, где были нужны не менее стальные яйца, – промышленный альпинизм. В 2015 году, узнав от близкого товарища о компании, он, не раздумывая, сорвался, оставив гражданскую жизнь, и приехал на Молякино, став по итогу одним из самых результативных снайперов в истории компании, хотя о себе он не раз скромно заявлял: «Я не снайпер, я просто хороший стрелок!»

На Кокосе уже находился Русич и еще один не менее колоритный заместитель Кэпа.

Малец был замом по боевой подготовке. Отбегав по горам Чечни 9 лет с пулеметом, ветеран спецназа ВВ, широко известной в узких военных кругах 46— бригады оперативного назначения Малец в 2015 году пришел в контору обычным бойцом – и уже в следующей командировке возглавил второй взвод, сделав из него по итогу одно из самых боеспособных подразделений в отряде. Невысокого роста, крепко сложенный, с черными волосами и такого же цвета глазами, он постоянно шутил и часто разговаривал на характерном только для русского юга диалекте – на суржике, причем шутил он с таким выражением лица, что порой было непонятно, шутит он или говорит всерьез.

То, что наш отряд зайдет на новое направление, несмотря на жуткую секретность, сомнений ни у кого не оставляло – это был лишь вопрос времени, поэтому Малец с Русичем усиленно готовили личный состав к предстоящим боям на импровизированном полигоне у подножия горы, который они превратили в настоящий ЦСН ².

Привозивший Кэпа с Бушем, которые периодически заезжали на Кокос для проверки хода подготовки личного состава, водитель штаба Псих делился крайними новостями с госпи-

² ЦСН – Центр специального назначения.

тая, который находился на заводе: «Холодильник не выключается, без остановки 24/7 молотит! Забит под завязку! – Похоже, бои в Липецке были в самом разгаре и шли не на шутку.

– Так что в организацию ты попал серьезную, которая, не считаясь с потерями, идет вперед! – это напутствовал доктора водитель скорой Винни, прозванный так за невероятное сходство с Винни-Пухом, которое возникало сразу же, как только он переставал бриться и стричься.

Отслужив сначала в спецназе ВДВ еще в конце лихих 90-х, затем в ОМОНе, выйдя на пенсию, он устроился в компанию, пройдя в ее составе многие серьезные бои, включая штурм Пальмиры. Винни был невероятно храбрым и отважным воином – все старички прекрасно помнили, как он под огнем противника, ловко управляя бульдозером, строил укрепрайон, который для занимавших позиции на тот момент, что называется, в чистом поле штурмовиков был вопросом выживания. Ландшафтный дизайн осложнялся не только обстрелом, за Винни охотился танк, но опытный воин, ловко прикрываясь возводимыми им же самим укрытиями, все-таки оставил в дураках духовских танкистов.

Танкодром

Как всегда неожиданно пришла задача спешно собираться и выдвигаться в наш горный тренировочный лагерь, именуемый «Танкодромом», для прохождения подготовки перед убытием в Липецк. Быстро собравшись, мы отправились в путь – и уже к вечеру были на месте. Об этом месте в отряде ходили не самые лучшие отзывы, никто не понимал, чему нас здесь могли научить люди, которые за столь долгий срок пребывания в компании не удосужились принять участие ни в одном бою. Недостаток практических знаний здешние инструкторы часто компенсировали переходом на личности и предвзятым вымещением своих комплексов на штурмовиках, которые им самим могли преподать такое, о чем они даже догадываться не могли. Но на этот раз всем повезло, с нами были Русич и Назар (командир второго штурмового взвода – того самого, который в свое время еще возглавлял Малец), которые имели свое стойкое мнение в виде известного мужского полового органа на капризы здешних обитателей.

Они с ходу взяли под свой контроль ситуацию с обучением, а попытавшихся что-то возразить инструкторов Русич сразу поставил на место, обозначив, кто есть кто: «Значит, так! Это мои люди, и в бой с ними идти мне и Кэпу, но никак не вам! Поэтому мы сами будем решать, чему нам здесь надо учиться, а чему нет! Поняли меня?». Спорить с Русичем, когда дело касалось работы и тем более жизни парней, не решался никто.

– Ребят, мы не против, вы просто сделайте, как мы говорим, чтоб нас не уволили, а на работе будете делать так, как надо! – просили они, дав задний ход. Ссориться с людьми, которые не только отправлялись в ад, но еще и намеревались оттуда вернуться, было, мягко говоря, неразумно.

Немного прихуев от такой искренней душевной просьбы, мы ушли готовиться к занятиям. Ничто не мешало этим людям хотя бы на пару дней слетать в Ливию и, даже не посещая передовую, пообщаться с ранеными бойцами в госпитале, четко изложив на бумаге тот бесценный опыт, который наши коллеги по опасному ремеслу успели получить за проведенное время на этой новой, непохожей на все предыдущие войне, для того чтобы потом передать его нам. Но, видимо, их устраивало такое положение дел – и их совесть, заключившая сделку со страхом, спряталась как можно дальше, где-то в районе границы тонкого и толстого кишечника.

Утром, выдвинувшись взводом на занятия для приведения своего оружия к нормальному бою под присмотром Назара и Русича, мы стали готовиться к предстоящей работе.

Утреннюю тишину перед началом занятий нарушил шум мотора приближающегося квадроцикла, в котором ехали двое: одного мы все хорошо знали – это был Обрыв, начальник отдела инструкторов, а личность второго пока была загадкой. Спешившись и поздоровавшись со всеми, высокий незнакомец с пистолетом в набедренной кобуре и теплом шерстяном свитере, завязанном вокруг пояса, сразу обозначил, что ни во что вмешиваться не будет, а просто понаблюдает.

Это был Марио, в прошлом подполковник легендарного Ростовского СОБРа. Причем того самого, первого состава, бойцов которого описал в своей книге «Антикиллер» Даниил Корецкий. Марио был настоящей легендой военного мира – с огромным боевым опытом, включая обе чеченские.

Марио был сотрудником СБ, и его появление многих настораживало. Большинство из нас слегка грешило нарушением правил компании – в виде связи с домом, которая в самой компании на тот момент была налажена не самым лучшим образом, и никто не хотел попасться на этом и получить взыскание. Но, как выяснилось позже, Марио прибыл совершенно с другой целью. Понаблюдав пару дней за тем, как проходят занятия, он стал плавно вливаться в наш учебный процесс, давать бесценные советы из своего личного опыта, приводя не менее интересные конкретные примеры ситуаций, которые возникали в его личной боевой практике, а

также в практике его коллег из смежных «Альфы» и «Вымпела». В результате все мы жадно ловили каждое его слово и действие. Марио был спецом высшего уровня. От него шла огромная волна уверенной внутренней силы, которая передавалась всем нам.

– Контакт! Бах-бах-бах! Дай гром!!! Даю! Грооом!!! БАХ! – отделение Сэма под его четким руководством штурмовало учебный класс, построенный Обрывом в качестве учебного пособия. За ними, внимательно фиксируя каждое движение, чтобы потом провести работу над ошибками, наблюдали Назар с Русичем и, конечно же, Марио, который сидел на огромном камне спиной к спине с доктором и вел диалог со ждущими своей очереди бойцами других отделений.

– Спорт однозначно нужен, парни! Мне уже давно за сорок, но я в отпуске, в Ростове, до сих пор занимаюсь кикбоксингом, еще с СОБРа привычка осталась. В Ростове отличный клуб есть, «Патриот» называется, – рассказывал нам Марио о своей гражданской жизни. Очередной полезный день подошел к концу.

– Куда вы прете, как бараны! Кто так работает?! Вы все 200!!! – инструктор по инженерной подготовке со специфическим, понятным лишь ему одному позывным – Анюй стоял перед взводом отъявленных головорезов, прошедших не одну военную кампанию, в отличие от него самого, и крыл их на чем свет стоит. То ли данный факт, осознание которого выводило его из себя, то ли Кацап, зацепивши ногой растяжку, привел его в бешенство. Большинство из нас с легкостью свернули бы ему шею в два счета, но с дисциплиной, равно как и с выдержкой, у нас проблем не было.

– Слушай, ты, дятел, у нас в отряде за такие слова ебальники били! – лицо Марио перекосило от ярости.

– Да я просто, это, я че... – блеял, опешив от такого неожиданного поворота событий, Анюй. Раньше подобные выпады всегда сходили ему с рук и были здесь нормой, но в конце концов информация о произволе учебного центра дошла до верхов – и Марио приехал с целью проинспектировать учебный центр на предмет того, как ведется подготовка сотрудников перед боевым заходом в Липецк.

– Ты кого долбоебами назвал? Да я сейчас добро дам – они тебя на куски здесь порвут, уебок! – Марио завелся не на шутку. – Посмотри на тех, кто стоит перед тобой! Эти люди прошли не одну войну, и раз они стоят здесь сейчас – значит, они все делают правильно! Понял меня? – Марио продолжал воспитывать совершившего грубую ошибку и попытавшегося общаться с нами в духе сержанта американской армии из фильмов Анюя.

– А вы никому больше не позволяйте обращаться с вами в таком тоне! Сразу бейте в морду! Запомните – вы элита! Военный цвет нашей нации! При всем моем уважении к любым легендарным спецподразделениям нашей Родины – я в первую очередь с большим уважением пожму руку обычному штурмовику, который несет на себе всю тяжесть войны! – эта речь уже была адресована всем нам и подняла наш боевой дух на такой уровень что мы не стояли, а буквально парили над землей от воодушевления. Надо справедливо отметить, что за все то недолгое время нашего нахождения здесь Марио дал нам такие навыки и запал, что в Липецк мы заходили настолько заряженными на работу, что не могли дожидаться первой же возможности вцепиться в глотку тем шакалам, из-за которых уже погибло немало наших боевых товарищей.

– У меня для вас хорошие новости – небо закрыли! – обрадовал нас проводивший в столовой занятия по тактике и топографии Русич, вызвав бурю эмоционального восторга среди нас. Зашедшие в Липецк «Панцири» значительно уравнили наши шансы сойтись с игливыми секс-меньшинствами в честном бою.

Две недели пролетели мгновенно. Увлеченные интересными и, главное, полезными занятиями, мы не вели счет времени. Второй взвод Назара сменило подразделение разведчиков Шахида, и доктор еще на две недели остался с ними по приказу Кэпа.

– Кэп сказал, пусть молодой доктор учится, пока есть такая возможность! – передал приказ командира Русич.

Конечно, работать медиком было гораздо безопаснее, чем ходить в головняке, но эта ситуация могла быстро повернуться в совершенно обратную сторону. В случае подрыва или попадания в засаду последнего чаще всего именно медики под шквальным огнем противника и прикрытием товарищей первыми пробивались на помощь раненым. Кэп все это знал не понаслышке и давал шанс доктору, пока была возможность, повысить свои шансы на выживание.

Разведчики были не менее подготовленным и сплоченным подразделением, чем второй взвод. Здесь также было немало опытных матерых волкодавов с приличным боевым опытом. Во главе с двумя прожженными волками – Шахидом и его замом Ткачом – они готовились первыми убить в зону боевых действий и отбить у духов первый клочок земли, тот самый плацдарм, с которого отряд Кэпа, развернувшись в боевой порядок, пойдет в наступление. Поделенные на три автономные группы с решительными и смелыми командирами – Куком, Сепаром и Пермьяком, они представляли собой серьезную силу, которая уже не могла дожидаться возможности реализовать свои воинские амбиции. Каждый «старичок» здесь приравнялся к десятку самых отмороженных игилоидов – одни только Найк с Джорданом чего стоили. Два товарища, работая в паре, неоднократно совершали дерзкие вылазки на позиции духов и в итоге закошмарили духов до такой степени, что Русичу даже приходилось их сдерживать, делая неоднократные внушения.

– Вы че творите-то! Хватит их валить уже! О компании и так кучу гадостей пишут, в интернет иной раз стыдно зайти, а из-за таких, как вы, с нами скоро вообще играть никто не будет! – развлекался черным военным юмором Русич, отчитывая разведчиков.

Найк и Джордан были тезками – их обоих звали Александрами.

Джордан свой позывной получил не только за необычайно высокий рост – 204 см, но и за то, что раньше профессионально занимался баскетболом. Он был родом из Усть-Лабинска, как и Кэп. До прихода в компанию работал в службе безопасности крупной строительной компании в Краснодаре и, несмотря на свой относительно молодой возраст, был очень грамотен и расчетлив, что на войне не раз его выручало и доставляло немало проблем парням с противоположной стороны.

Найк был родом из Ставропольского края, изначально у него был позывной Ефрем, но после того как он приглянулся первоходу из штаба с созвучной фамилией, позывной у Найка отжали и дали время выбрать себе новый, так как в компании дублирование позывных было запрещено – и позывной закреплялся за бойцом даже после его гибели. Саня сидел, молча смотрел вниз, на свои ноги, и, увидев на кроссовках эмблему широко известного во всем мире бренда, не стал заморачиваться. Он обладал невероятными физической силой и мужеством, а также тем качеством, которое доктор, как и любой нормальный мужчина, очень сильно ценил в людях: Саня был очень справедливым парнем.

Так же быстро пролетели в занятиях еще две недели, и рано утром мы выдвинулись обратно на Каракум, готовиться к убытию. Там доктор узнал, что прикомандирован ко второму взводу Назара. Едва добравшись до точки выгрузки, доктор не успел опомниться, как его вещи подхватили Метан с Кацапом со словами: «Доктору надо помочь – докторов мы уважаем! – и понесли в палатку, которую занимали. Кацап словно чувствовал крутой поворот в своей судьбе, в который вписаться и не разбиться без знаний и навыков этого новенького доктора было бы невозможно.

Коротал холодные декабрьские вечера тот в теплой палатке за чаем, беседами с парнями и коллегой с интересным позывным Скорый и чтением электронной книги. Время, проведенное здесь, отложилось в памяти доктора самыми теплыми воспоминаниями.

Второй взвод параллельно осуществлял охрану периметра завода. Отделению Сэма доверили КП № 1 – самый ответственный участок.

– Ночью шесть человек надо на госпиталь, на разгрузку. К двум часам подтягивайтесь! – просил людей у старшего нашего палаточного лагеря старшины взвода Назара – у Чипа – правая рука зампотыла отряда Царя – Вася Путь. Определив тех, кто пойдет на разгрузку, Чип поставил им задачу: к двум часам прибыть к госпиталю, который находился слева от административной части в 20 минутах ходьбы от нас. Сомнений о характере груза ни у кого не было – глубокой ночью на госпитале нас подрядили явно не медикаменты в коробках таскать.

– Давай, давай, ближе, еще, еще, вот так, отлично! – сопровождающий груз сотрудник Особого отдела стоял у входа в контейнер-холодильник и махал обеими руками, помогая водителю КамАЗа с синим тентом припарковаться как можно ближе ко входу в контейнер. Груз был тяжелым (не только физически, конечно, но и морально), и парни старались максимально облегчить нам задачу, подъехав как можно ближе. Аккуратно подхватив с двух сторон тяжеленный цинк, доктор с Цунами стали бережно вытаскивать его из кузова. На гробах не было никаких обозначений, и мы гадали, есть ли вероятность того, что мы сейчас провожаем в последний путь кого-то из наших близких знакомых или друзей. В любом случае те, кто были внутри, независимо от того, знали мы их или нет, являлись нашими боевыми товарищами, и в знак уважения к погибшим мы делали выпавшую нам нелегкую работу этой ночью в полном траурном молчании, отдавая дань уважения погибшим героям.

Цунами, грузивший цинки вместе с нами этой ночью, даже не догадывался, что меньше чем через месяц таким же способом – в этот контейнер из этого же КамАЗа – будут перегружать уже его самого. Тогда, впрочем, никто из нас об этом не догадывался, хотя мысленно мы были готовы к такому повороту событий.

Разведка, как и полагается ей, улетела первой, и через считанные дни до нас стали доходить обрывки информации о том, что разведчики уже понесли первые потери. Работа начиналась.

Наконец-то пришел и наш черед, погрузившись в автобусы, мы убыли на аэродром. Простояв до глубокой ночи, наконец-то дождались борта, который пришел за нами из Липецка.

– Мне уже это все не нравится! – прокомментировал увидевший прикрепленные в хвостовой части самолета тепловые ловушки Скорый.

Борт оказался не пустой. Как только опустилась рампа – мы увидели, что он забит тяжело-ранеными, позади которых стояли цинки с 200-ми. Разгрузив самолет, мы загрузились внутрь, что было символично. Война там была в самом разгаре и требовала все больше и больше человеческих ресурсов.

Липецк

Старенький, но надежный Ил-76 приземлился на одном из военных аэродромов бескрайней пустыни Сахара. Быстро схватив личные вещи, бойцы второго штурмового отряда спешно перемещались в ангар, который служил прикрытием с воздуха от назойливых, постоянно курсирующих в жарком ливийском небе ударных дронов. Повсюду были груды сгоревшего искоженного металла – останки самолетов, попавших под удары ракет класса «воздух – земля». Не так давно здесь прямо на взлетной полосе были уничтожены два точно таких же Ил-76 вместе с экипажами, которые на момент удара спали внутри – и в итоге все летчики сгорели заживо. Один из самолетов был заправлен под завязку и ожидал добро на вылет, несколько десятков тонн моментально вспыхнувшего топлива не оставили им шансов.

– Ящики с БК хватаем, медицину, связь! – Кэп привычно отдавал команды, полностью контролируя ситуацию.

Как только отряд укрылся в ангаре, практически сразу послышался гул мотора другого самолета; выглянув из ангара, мы обомлели: на взлетку садился тяжелый военно-транспортный вертолет с двумя винтами сверху – «Чинук», который тут же был оцеплен пиндосовским спецназом, выскочившим из него. Быстро разгрузившись, они уехали в своем направлении.

– Блядь, че за страна чудес-то, ебать, все с одного аэродрома разъезжаются ебашиться между собой! Куда мы попали?! – эмоционально выразил свое удивление кто-то из штурмовиков.

До линии фронта отсюда было немногим более 800 км, и преодолевать это расстояние нам предстояло под пристальным взором с неба, которое контролировали ударные дроны и жгли любую цель, которая, по мнению операторов этих машин смерти, могла быть хоть как-то ассоциирована со словом «милитари».

Марш-бросок основной части отряда на столь большое и опасное расстояние был крайне сложной задачей, и Кэп после длительного мозгового штурма со своими заместителями решил ее достойно. Мы отправились в путь на полностью тонированных гражданских микроавтобусах, арендованных у местных аборигенов, с ливийцами за рулем. По инструкции, данной нам Кэпом, выходить из микроавтобусов следовало лишь в случае крайней необходимости, строго без оружия, для того, чтобы справить нужду, используя для этих целей дерево с густой листвой либо определенные постройки, подъезжая к ним вплотную. Разбив колонну на несколько частей, с разными интервалами между ними – для того, чтобы не создавать большое скопление автомобилей, хорошо заметное с воздуха, мы двинулись в путь. Если бы кому-то из командиров тувинца выпала честь и хватило бы мозгов осуществить задачу подобного рода – ему бы дали звезду «Героя России», затем сняли бы фильм про него самого, второй про его родителей и детство, третий про жену, четвертый про первую учительницу, пятый про любимого кота героя. Дали бы родителям, жене, учительнице и коту по красивой медали «За содействие, оказание, поддержание – благо с этим проблем не было, ведь за все время правления тувинца их было учреждено в несколько раз больше, чем во времена Великой Отечественной войны. Но, к сожалению, такие люди, как Кэп, пока еще оставались в тени и делали для Родины гораздо больше, чем кто-либо из большинства официальных лиц. Кэп за время работы в компании выполнил столько гораздо более сложных задач, которые неслабо укрепили авторитет современной России на мировой арене, что его уже с лихвой могло хватить на две звезды.

Триполи

– Забегайте быстрее внутрь, на улице никто не отвечивает, все перемещения без оружия и только бегом! Воздух работает! Вещи в ангар перетаскивайте! – Вася Путь как старший тыловой базы, на которую мы только что прибыли, давал указания. Отсюда до передовой уже было меньше десяти минут езды на машине, хотя в условиях активной работы ударных дронов передовая здесь была везде, даже за тысячу километров отсюда.

– Сэм за старшего! Саня, постепенно перевозишь людей в вот эту точку – и сидите там, не отвечивайте, я убыл к Большому получать задачу, готовьтесь, завтра штурм! – Назар, быстро отдав необходимые распоряжения и указав на карте место, в которое следует выдвигаться, умчался в направлении передовой, где, судя по звукам, и начинались приключения.

– Так, парни, первые четыре человека в готовности, сначала выдвигается головняк, а затем уже все остальные! Все! Погнали, с Богом! – Сэм сразу же взял ситуацию под контроль. Сделав уже изрядное количество ходок туда и обратно, он перевез практически всех бойцов. Оставалась очередь доктора и еще пары оставшихся ребят.

– Парни, это Сэм! Подъезжаю, выбегайте! – голосила рация.

Медлить нельзя было ни секунды, и мы в полной боевой экипировке, нагруженные, как ослики, рванули к подъезжающему пикапу с невозмутимо сидящими спереди Метаном и Сэмом.

– Парни, там стреляют! – весело и эмоционально, но с большой внутренней уверенностью, без малейшего намека на страх заявил Сэм.

Он был родом с Урала, город Пермь. Профессионально занимался кикбоксингом и муай-таем, в 2015 году выполнил норматив мастера спорта, взяв первое место на чемпионате России по К-1, затем решил уйти из профессионального спорта в мир военных профессионалов – и в том же году практически в одно время приехал со своим земляком и близким другом Смайлом на Молькино.

Быстро прыгнув в пикап, мы, стремительно набирая скорость, понеслись в самое пекло. Стрельба там не прекращалась ни на секунду, артиллерия с обеих сторон обменивалась залпами так, что от мощных глухих ударов содрогалась земля, били крупнокалиберные пулеметы, где-то даже отчетливо звучала стрелкотня, что четко давало нам понять – бои идут уже совсем рядом с нами.

Метан разогнал свой пикап до 140 км и отчаянно маневрировал между поваленных деревьев, разбитых заборов и домов, которые образовывали целые баррикады своими обломками, и сгоревших лежащих на собственных крышах автомобилей. Вокруг не было ни одного целого дома, дерева, столба. Прямо из земли торчали хвостовики неразорвавшихся мин, а пуль от крупнокалиберных пулеметов и осколков от снарядов на земле валялось столько, что даже в воздухе ощущался стойкий запах железа.

Резко свернув на узкую улицу, плотно застроенную домами, мы увидели мчащийся нам навстречу такой же пикап песочного цвета, который отчаянно моргал фарами и требовал уступить путь; мы прижались к полуразрушенному забору так, что чуть не снесли его до конца, и дали дорогу. В этот момент на правом фланге две ЗУшки активно били в небо, выпуская целые стаи смертоносных МДЗшек (мгновенного действия зажигающих патронов). Мы вглядывались вверх и гадали, что их там так заинтересовало, заставляя вести такой интенсивный огонь, уже смеркалось, да и небо слегка затянуто черными тучами – видимость была не самой лучшей.

– Куда они бьют? – подумал вслух доктор.

Вдруг небо вспыхнуло ударом молнии, и с места, где работала одна из зенитных установок, после яркой вспышки с донесшимся до нашего слуха немного позже резким хлопком повалил густой дым.

– Теперь понял, куда? – повернувшись, тихо спросил Метан.

Поравнявшись с нами, пикап поблагодарил нас, моргнув еще раз фарами, и, дав короткий сигнал, понесся дальше в тыл. Повернув головы, мы увидели лежащего в кузове бойца союзников с бледным как мел лицом, держащегося окровавленными руками за разорванный живот, и двух его товарищей с более легкими ранами.

– Все, парни, шутки кончились, мы на войне! – подвел итог для всех Сэм.

Доехав до нужного нам дома, мы как можно быстрее выбежали из машины и стали забегать внутрь, Метан тут же поспешил спрятать свой пикап под густое дерево, чтоб его не было видно с воздуха, и присоединился к нам. В доме уже была остальная часть взвода Назара, парни активно готовились к штурму: вскрывали цинки с БК, готовили выстрелы на РПГ, забивали пулеметные ленты, распределяли, кто потащит на себе тяжелые, но невероятно эффективные «Шмели», каждый раз вызывающих у духов панические атаки, в общем, работа кипела вовсю. В огромном просторном зале на первом этаже сидели Ткач с Шахидом и делились жизненно важным опытом, который они уже успели получить здесь, и тем, что довелось им пережить за те дни, пока мы сюда добирались.

– Через заборы не вздумайте лазить! Снимут на хер! Пробивайте дыры, если не хватает взрывчатки для полноценного подрыва – киркой бьете небольшую дыру, чтоб граната влезла, и гранатой делаете проход – обычно двух РГДшек хватает, чтобы более-менее пробить, остальное кувалдой можно доработать! На штурме, как только проход будет готов, сразу не лезьте – простреливайте и кидайте гранату! У нас так Ставчик встрял: дыру пробили, он полез первый, а там душара все это время сидел, ждал – и прямо в проходе Ставчика уработал, четыре пули всадил, еле отбили, живой хоть, слава богу, тяжелый только! Когда объявляют воздушную тревогу, духи сразу открывают огонь и начинают провоцировать, чтобы с дрона спалить, откуда будете отвечать, и отработать по вам! Если сильно давит арта – подтягивайтесь к ним поближе: духи боятся работать, когда идет близкий контакт, чтоб своих не зацепить...

Мы все внимательно впитывали каждое слово: за этот опыт разведчики уже заплатили кровью, и он был для нас жизненно важен!

Вернувшись от Кэпа, Назар стал нас инструктировать: «Значит, так, слушайте все меня внимательно, этой ночью ровно в полночь скрытно выдвигаемся вот в эту точку, что в 400 метрах отсюда, там разведосы по-тихому заняли дом прямо под носом у духов и нас дожидаются. Завтра в шесть утра, на рассвете – штурм! Мы забираем у духов вот этот район! Разведка идет слева от нас, третий взвод справа! Мы с Сэмом и Русичем сейчас идем туда на разведку, посмотрим, как можно более скрытно подойти туда, а затем возвращаемся и вас затаскиваем! Готовьтесь!»

Ровно в полночь мы вышли из дома и, преодолев дыру в заборе, стали вытягиваться по мере продвижения в одну колонну, сформировав таким образом боевой порядок, двинулись в указанную Назаром точку. Нас было ни много ни мало 35 человек во главе с Назаром и Русичем, которые шли первыми, показывая наиболее безопасный путь, позади них бежал Сэм, а потом, прикрывая их во всем этом дерьме, – мы. Добежав до длинного высокого забора, который не имел пробоин, мы принялись через него перелезать, помогая друг другу; учитывая, что все шли на штурм заряженными по полной, сделать это было непросто, но за забором нас ждали еще сюрпризы. Чтобы добраться до ближайших домов, нам предстояло преодолеть двести метров открытки, которая была сплошь усеяна лежащими на песчаной земле силуэтами, замершими в неестественных позах, сильно напоминавшими человеческие. Подбежав ближе, мы поняли, что нам не показалось – и лежащие совсем не спят и тем более не прилегли внешне отдохнуть – они попросту мертвы. Судя по цвету камуфляжа и направлению, в котором они лежали практически клином, – это были двухсотые союзников. Потом уже, после того, как мы отобьем этот район у духов, Русич глубоко выдохнет с облегчением и, развеяв эту тайну, честно признается Назару: «Бля, красавчики, Серега, просто молодцы, я в вас не сомневался.

А то взял тут на днях 100 человек союзников – решил взять райончик, по-быстрому взять, в итоге – таких люлей отхватили, что сам еле выбрался – в кольцо попал!». У нас, которые за этот день уже устали удивляться, тогда снова отвисли челюсти от таких откровений. Взять целую роту аборигенов и повести их за собой на штурм – в конторе было признаком высшего мастерства и отмораженности. За все время работы доктор знал только о двух таких отчаянных парнях – первым был Русич, а вторым Пазик.

Чтоб хотя бы примерно понять, чем могло это обернуться, стоило вспомнить случай, произошедший всего неделей позже. Взяв снова человек сто, Русич повел их брать печально известный «деловой квартал», состоявший из более чем 50 пятиэтажных домов и превращенный его совсем не гостеприимными обитателями в настоящую крепость – с окопами, соединяющими дома, и прочими «чудесами» военной фортификации. Им удалось даже зайти в первые дома и укрепиться там, но потом, непонятно каким образом потеряв ориентиры, местные аборигены вдруг стали биться друг с другом, тут же убив своего командира, а Русич под крики Кэпа в рацию: «Блядь, уходи на хуй оттуда!!!» еще пару дней ходил по лезвию, выводя незадачливых воинов из окружения, проклиная их на чем свет стоит.

Едва забежав в дом, стараясь не шуметь хрустящим под нашими ногами битым стеклом, мы стали располагаться для короткого ночлега: сомнений, что силы нам завтра понадобятся, не было. На входе в дом нас встретил, широко улыбаясь, командир одной из групп разведвзвода Пермьяк.

– О, доктор! И ты здесь, здорово! – произнес он когда мы поравнялись. Обнявшись с Пермьяком, доктор прошел дальше по коридору и поднялся на второй этаж. Здесь в зале у окна стоял Цунами, он тоже, как и доктор, был из новеньких и сейчас, стоя у окна, внимательно наблюдал через крохотную дыру в одеяле, которым было оно завешено, вглядываясь в позиции, занимаемые духами, которые были совсем рядом, на другой стороне улицы в домах напротив. Поздоровавшись и передав нам позицию, Пермьяк с Цунами стали спешно собираться к своим, им тоже предстоял завтра штурм, который стал для них судьбоносным.

Сняв с себя броню и разгрузки, мы заняли места кто где и легли, попытавшись уснуть, каждый думал о своем, но в основном мысли, конечно же, были о доме и тех, кто нас там ждет. Мы настраивались на завтрашний штурм. Проворочавшись до самого утра и едва уснув, мы услышали, как сквозь сон пробился тихий уверенный голос Назара: «Подъем! Собираемся!»

Собрав командиров отделений Сэма, Сайгона и БТРа, Назар давал им последние наставления перед штурмом:

– Значит, так, слушайте меня внимательно, сейчас тихо выходим из дома и, с ходу разворачиваясь в боевой порядок, идем тремя отделениями на штурм. Отделение Сэма идет здесь, Сайгона здесь, а БТРа вот здесь, – его палец скользил по карте, открытой в планшете. – В случае возникновения контакта с противником сразу идем на максимальное сближение! Надо будет – хоть ножами их ебашьте! Максимально близкий контакт с этими пидорами, посмотрим, у кого яйца крепче! – Назар был настроен крайне решительно. Отходить назад или сдаваться за все долгие 5 лет работы его в конторе он не привык, его решительность передавалась всем нам, наполняя вены ледяным, но тем не менее приятно обжигающим холодом.

Сергея был с Дона, он родился в одной из станиц Ростовской области в семье потомственных донских казаков, вырос без отца, воспитывался матерью и бабушкой. Отслужив в 2008 году срочную службу в спецназе ВВ в разведроте «Барс» 22 бригады оперативного назначения в городе Калач-на-Дону, он даже успел побывать в командировке в Ингушетии, чем тогда был горд невероятно – и, как он сам не раз вспоминал: «Ни хера себе, считай, на войне побывал!» Затем перебрался в Ростов-на-Дону, где перебивался с одной работы на другую, пока не случился 14-й год, и как только узнал от боевого товарища о формировании компании – тут же, не раздумывая, пришел туда со своим земляком и старым другом Кубой: «Кредиты закрыть, на одну командировку, перекрутиться, так сказать, видишь, 5-й год уже рабо-

таю, никак не прыгну! – не раз иронизировал он в разговоре с доктором. Назар, как и Малец, начинал обычным бойцом – и после того как Малец ушел на замповоя, стал взводником.

«Шахид Кэпу! – ожила рация.

«На связи, Кэп! Начинаем! – ответил командир разведчиков.

«Манул Кэпу! – продолжал выходить на взводников командир.

«Да, Кэп, начинаем! – отозвался командир третьего взвода.

«Назар Кэпу! – пришла очередь нашего взвода.

– Принял, командир! Работаем! – сказал в рацию Назар и, повернувшись к нам, произнес: «Все, работаем, пошли!» Так начался один из самых длинных дней в жизни каждого из нас.

Тихо покинув дом, ставший нам на короткое время тайным убежищем, мы тремя группами направились вперед, двигаясь вдоль улиц и как можно ближе прижимаясь к забору. Назар с Русичем шли сразу за штурмовыми группами, корректируя их по рации и контролируя общую картину, с ними третьим двигался доктор с перекинутой через плечо медицинской сумкой.

В полной тишине в предрассветных сумерках мы шли в гости к парням из фирмы-конкурента, «державших» этот район, чтобы на правах более сильного оспорить это их право.

«БАХ-БАХ-БАХ!!! – контакт, хоть и был ожидаем всеми, начался, как всегда, внезапно. Отделение Сайгона при зачистке очередного дома практически вплотную столкнулось с широко открывшим от удивления рот духом, который незамедлительно отправился в преисподнюю, приняв смерть от рук «неверных».

Практически сразу же у всех трех отделений завязался бой. Улей с бородачатыми – и очень злыми – пчелами был встревожен. Посылая проклятия в адрес неугомонных гяуров, духи принялись ожесточенно отбиваться. В ход с обеих сторон активно пошли гранатометы. В воздухе запахло порохом и гарью, улицы стало заволакивать дымом.

«Кэп Манулу! Шлык триста!!! Тяжелый! – как оказалось, работа пошла не только у нас, третий взвод открыл счет потерям этого утра. Земляк Сэма и Смайлика – пермяк Шлык при зачистке дома подорвался на мине, получив ранения, несовместимые с жизнью, от которых впоследствии скончался.

«Давайте Скорого туда! Быстро!!! – кричал в рацию Кэп. Любые потери в отряде, который был его детищем, он всегда воспринимал как личную трагедию.

Скорый был медиком третьего взвода, высокий, темноволосый, худощавый, носивший очки и никогда не снимавший каски. Он каким-то невероятным образом сочетал в себе образ тихого скромного интеллигента и крайне отважного и мужественного человека. Проработав долгое время на одной из подстанций скорой помощи Краснодарского края фельдшером и узнав о существовании компании в 2016 году пришел сюда, абсолютно правильно полагая, что его колоссальный опыт медицины катастроф здесь будет более востребован и полезен, чем на гражданке.

И сейчас Серега, так звали Скорого, бежал сломя голову, перебегая простреливаемые участки с одного фланга на другой, променяв кабину скорой помощи в оставшейся позади России на поле боя, чтобы исполнить свой профессиональный долг и спасти раненого товарища.

Отбив у духов первую улицу, бойцы взвода Назара остановились на несколько минут, чтобы добить магазины патронами и перевести дух.

Русич с Назаром в это время стояли в прихожей полуразрушенного дома и смотрели через окно на улицу, которую нужно было брать следующей, обсуждая дальнейший план действий, как вдруг рация снова заговорила, сообщив крайне неприятные новости: «Кэп Шахиду! Пермяк 200! Цунами 200! – как будто буднично произнес Шахид.

«Да блядь!!! Как так-то?! – взорвался Кэп.

«Зажали отделение!!! – ответил Шахид.

Русич, Назар и доктор переглянулись и опустили глаза в пол.

Это случилось в восемь утра 19 декабря 2019 года. Отделение Пермяка продвигалось по улице, выходящей на большую главную дорогу, записанную на наших рабочих картах как «Адмиралтейский проспект», зачищая ее. На подходе к большому белому дому из образовавшейся после попадания артиллерийского снаряда пробойны разведчики попали под шквальный огонь пулемета практически в упор, с 15 метров. Дух то ли проспал неожиданно появившихся разведчиков, то ли, увидев их заранее, хладнокровно подпустил в упор – этого уже никто не узнает.

Пермяк погиб сразу, на месте, получив пулю в шею и многочисленные попадания в туловище – плиты на его бронике были выгнуты от ударов до такой степени, что становилось сразу очевидно: у Жени не было ни малейшего шанса.

Следом, через пару секунд, погиб Цунами, он самоотверженно бросился к Пермяку, пытаясь вынести из-под огня тяжелораненого командира, но был сражен наповал – и так остался лежать сверху. Цунами как новенького берегли и не брали на задачи, Русич пристроил его, чтобы он помогал в тылу, при штабе, но накануне штурма он как порядочный мужчина не выдержал того, что его товарищи воюют, а он отсиживается за их спинами, и напросился на свой первый штурм, ставший последним.

Разведчика-гранатометчика Пересвета духовский пулеметчик не только ранил, но и, попав очередью в портплед с выстрелами от РПГ-7, поджег его прямо у него на спине. Быстро скинув выстрелы на землю, Пересвет все-таки успел отползти за угол, в укрытие, истекая кровью.

А чеченец разведчик-пулеметчик Нохчо, получив от своего коллеги с противоборствующей стороны тяжелое ранение в левую лопатку, которую пуля прошла сверху, оставив в ней углубление размером с кулак, изо всех сил рванул вперед, уходя в мертвую зону для работающей огневой точки, упал на землю, скидывая с себя пулемет, и тут же вступил в контакт с включившимися в бой с правого фланга духами. Отчаянно отбиваясь в течение короткого промежутка времени, Али получил попадание в голову от включившегося в эту смертельную игру духовского снайпера, но ему уже во второй раз неслыханно повезло. Пуля, пробив защитный шлем, ударила в асфальт прямо перед лицом Нохчи, и тот замер, упав лицом вниз, первые секунды полагая, что умер. Когда он осознал, что на самом деле произошло, – притворился мертвым, обманув противника, не ставшего его контролировать еще раз.

Мгновенно пришедший на помощь с другими разведчиками заместитель Шахида – Ткач принялся буквально разносить не только этот дом, но и все последующие. У разведчиков, потерявших двоих своих близких товарищей, просто упала планка, и они рвались вперед как одержимые. Как позже выяснилось, это была база протурецкой группировки «РАДА», состоящей из профессиональных наемников и усиленная турецким ССО³, которые здесь проходили обкатку. В то декабрьское утро, пожалуй, практически впервые за долгое время в истории современной России русский спецназ в лице взводов Назара и Шахида сошелся на поле боя с турецким и вышел из него с полной, безоговорочной победой. Не выдержав такого яростного натиска, упакованные по последним новинкам военной техники извечные враги русских варягов – турки сейчас позорно и испуганно бежали, бросая дорогие трофеи прямо на своей базе, не успев их вывести из строя, или просто на асфальте в заводской упаковке. Отряд Большого пополнился тепловизорами, ночниками, беспилотником с многократным приближением и с тепловизором, позволяющим наводить артиллерию с воздуха в темное время суток, и многими другими полезными вещами, которые потом доставили немало хлопот противнику. Турки были отлично подготовлены и экипированы, имея огромное преимущество перед нами. Свою базу они могли с легкостью превратить в дом Павлова, устроив нам Сталинград 2.0 на земле, которая когда-то была их и на которую они претендовали в настоящем времени. Но, как

³ ССО – силы специальных операций.

и их далекие предки, потерпевшие от наших не одно поражение, они столкнулись с тем, обо что обломали зубы многие считавшие себя великими державы, – с русским характером.

Продолжив движение, отделения штурмовиков Назара пошли вперед с новой силой, про потерю Шлыка и гибель разведчиков в эфире слышали все – и работа перестала быть для нас просто работой: теперь к бородатым появилось немало вопросов, и каждый спешил их задать.

«Джаз триста! – вышел на Назара по рации Сайгон.

Мы все втроем метнулись в соседний дом, который только что зачистили бойцы Сайгона. Джаз лежал на полу, а Кацап делал ему перевязку, возле ноги была небольшая лужица крови. Как оказалось, у Джаза сдали нервы после услышанного в эфире и произошедших контактов практически в упор с противником. В человеке, прошедшем не одну войну, внутренний стержень сломался, будто по щелчку пальца, и, произнеся сакральную фразу: «Да пошло оно все на хуй! – Джаз выстрелил себе в ногу.

Эвакуировав Джаза и передав его Метану с Чипом, доктор с сапером отделения Сайгона – Рикшей возвращался, перебегая через дома и дыры в заборах, обратно к своим.

Двинувшись дальше, сразу две группы штурмовиков Сэма и Сайгона пошли на штурм огромного особняка, напоминавшего дворец, выкурив духов оттуда с помощью пары «Шмелей» и послав им вдогонку хорошую порцию свинца. Наши не успели до конца зачистить этот огромный дом, как тут же угодили под шквальный перекрестный огонь духов. Бородатые тоже изрядно разозлились, потеряв двухсотыми не один десяток своих и ключевую базу, отбитую разведчиками, и вовсю жаждали реванша. Духи бросили то ли резерв, то ли все силы сразу и были настроены решительно. Отделение БТРа тут же отрезали от основных сил и пресекали всякие попытки пробиться на помощь к своим, впрочем, даже несмотря на это, Аякс с Краснодаром умудрялись изрядно портить им нервы и, судя по истошным визгам, иногда здоровье. Гранатомет Краснодара и пулемет Аякса работали, прерываясь лишь на короткие технические моменты.

Практически сразу после попадания в окружение тяжелое ранение в руку получил Рикша.

«Назар, нас зажали! Рикша триста! – кричал в рацию Валек, так звали Сайгона.

– Как к вам лучше подойти? Я сейчас помогу! – отвечал Назар.

«Сергея, не надо! Мы их сейчас выебем! – Сэм был полон спокойствия и решительности, как будто речь шла о чем-то самом собой разумеющемся.

Судя по тому, сколько глоток вопили вокруг «Аллах акбар!», перекрикивая даже шум боя, – духов подтянулось немало.

«Назар! Сейчас Радос со «шмеля» отработает рядом с вами, смотрите, аккуратней! – предупредил Сэм.

– Да похуй! Ебашьте! – дал добро Назар.

Раздался громкий, мощный, ни на что не похожий выход «шмеля», и сразу последовавший за ним оглушительный взрыв, от которого в доме, который мы занимали, вынесло остатки стекол. Воинственные крики еще пару мгновений назад казавшихся самим себе непобедимыми и самыми крутыми творцами джихада бородатых сменились диким свиным визгом, сигнализовавшим о том, что Радос, выскочивший и отработавший из реактивного пехотного огнемета под плотным огнем противника, достоин медали «За отвагу».

Радос был татарин из Казани, молодой парень из 25 лет своей жизни отслужил 5 лет по контракту в элитных частях ВДВ, узнав про компанию, решил тут же уволиться и вступить в ее ряды. Компания была страной возможностей для таких парней, как он: чем грамотней и смелее воюешь, тем больше тебя уважают и ценят, а главное, что выражалось здесь это в наградах, которые можно было заслужить, лишь проявив в бою личные отвагу и мужество, а не посредством вылизывания промежности какого-нибудь штабного придатка, и в премиях, за которые не надо было платить откаты командиру или в финчасть.

Отбившись от духов, которым теперь было совсем не до подвигов и у которых сильно болела голова на тему того, как вытащить своих раненых и погибших, штурмовики оттянулись немного назад, заняв одну общую линию.

Ночь предстояла непростая – надо было удержаться любой ценой. Распределив время боевого дежурства, Сайгон дал добро всем на отдых. Несмотря на жуткую усталость, сон никак не шел – эмоций после первого рабочего дня хватало.

Едва перевалило за полночь, как до нашего слуха стали доноситься крики с духовских позиций. Уловив знакомые понятные слова и вслушавшись, мы разобрали текст послания. На ломаном русском с сильным кавказским акцентом духи орала нам: «Русские, у вас скоро праздник – Новый год! Идите к нам!» Мы были приятно тронуты до глубины души таким гостеприимством и неожиданной встрече с земляками вдали от Родины.

«Тортуга Сайгону! – вышел на узел связи Валек.

«На связи! – ответила рация голосом Кэпа, который, как всегда, не спал, он предпочитал лично дежурить на узле связи, для того чтобы одним из первых быть в курсе ситуации.

«Тут духи нам орут! – докладывал Сайгон.

«Че орут-то? – заинтересовался командир.

«Чтоб к ним шли! Говорят, Новый год скоро! В гости зовут! – сообщил Валек.

«Без проблем! Завтра в 6 утра штурм! Готовьтесь! Только им об этом не говорите – люблю сюрпризы! – Кэп тоже был тронут радушием принимающей стороны и не мог оставить такое душевное приглашение без внимания.

На рассвете мы снова, как и в первый раз, тихо пошли в атаку, Кэп не стал будить духов артподготовкой, которая была малоэффективна в условиях такой плотной городской застройки, и, проявив военную хитрость, задуманную нашим командиром, мы второй раз подряд свалились как снег на голову, по новой разворошив духовский муравейник. Хваленое восточное гостеприимство не оправдало наших ожиданий, и те, кто пригласил нас на свою голову, бежали, едва успевая оттягивать убитых и раненых.

«Назар Сэму! Цэй триста! – эфир отозвался тревожным голосом Сэма.

– Вытягивайте его на точку, куда Чип с Метаном БК подвозят, я сейчас туда доктора отправлю! – сказал Назар, прибежав в дом, который служил одновременно точкой эвакуации раненых и пунктом боепитания. Доктор стал готовиться принять раненого.

Через минуту послышался быстрый топот со стороны позиций Сэма, придерживая бледного Цэя по бокам, его тащили Дэмос с Дигорцем. Отработав выглянувшего в окно и присевшего ниже подоконника духа прямо через кирпичную стену чуть ниже оконного проема, Цэй со Смайликом меняли ставшую засвеченной после мощного выстрела 12.7-мм пули АСВК позицию. Перебегая улицу, в последний момент они заметили вспышку выстрела из глубины комнаты, который сбил с ног старшего снайперской группы Цэя, опрокинув его на спину.

«Винтовка! Смайлик, винтовка! – Цэй до последнего оставался командиром и переживал в первую очередь не за себя. Марат, так звали Цэя, был родом из столицы Северной Осетии – Владикавказа, прослужив немало лет в СОБРе, он оказался в компании. Высокий, сильно похудевший из-за жаркого климата, который ему не очень подходил, он был очень добрым и готовым в любую минуту прийти на помощь надежным товарищем. Это была его первая командировка. Которая закончилась для него тяжелым ранением в руку и долгим больничным, но даже за этот небольшой промежуток времени он успел довести свой снайперский счет до вполне приличной цифры.

Приняв Цэя на точке эвакуации, доктор бегло осмотрел его и поставил ампулу трамадола, предварительно смешав его с димедролом для усиления эффекта, в плечо. Отправил его с прибывшим старшиной Чипом и водителем Метаном на госпиталь. Жгут и повязку, вовремя остановив кровотечение, наложил ему Смайлик, успевший оттащить товарища и командира в укрытие.

– Серый, давай с парнями пробивайся к Сэму! У него там жопа! Ты там нужнее! – поставил задачу доктору Назар.

Отдышавшись, Дэмос с Дигорцем забрали с собой доктора и поспешили обратно – их отделение, командиром которого являлся Сэм, духи зажали с трех сторон и активно предпринимали попытки выбить с этой неудачной для обороны, но крайне тактически значимой точки, которую эти упрямые русские никак не хотели отдавать.

Сэм, как и все остальные, понимал, что отход из этого дома грозит не только потерей репутации, которая за пару дней была уже довольно солидной и могла бы здорово поднять боевой дух бородатым, но и тем, что духи тут же зайдут во фланги отделением БТРа и Сайгона, поэтому стоять надо было «до талого», как любили говорить на Урале.

Быстро перебегая простреливаемые улицы и пробираясь через дома и дыры в заборах, мы наконец-то добрались к дому, в котором держались наши. Забегая в дом с единственной стороны, которую еще не контролировали духи, уже в проходе доктор, забегающий крайним, почувствовал громкий хлесткий удар справа от его головы – ухо и щеку тут же обожгло и оцарапало отбитой от стены каменной крошкой. Со всей силы толкнул занимающих проход Дигорца и Дэмоса, и все трое ввалились в дом, упав на пол. Доктор, каким-то чудом оставшийся живым, растерянным взглядом смотрел на Сэма, который облегченно выдохнул, понимая, что еще бы пару сантиметров влево – и мозги медика вылетели бы прямо ему в лицо. Стоявший на фишке Тобол попытался было выглянуть из прохода – и тут же получил в свою сторону прицельную очередь из автомата. Всем стало понятно без слов – мы в кольце. Духи перерезали единственный тонкий промежуток, связывавший нас с внешним миром. В комнате для молитвы на первом этаже, сбившись поплотнее, сидели почти все бойцы отделения Сэма, здесь же с АСВК, перешедшей ему по наследству от Цзя, сидел Смайлик. Редкую тишину снова нарушил звук, сильно напоминающий выстрел из пистолета, и Болик, стоявший на фишке с другой стороны дома, крикнув: «Граната!!!», сделал пару шагов внутрь дома. Не поворачиваясь спиной и контролируя вход – этим жизненно необходимым вещам научил нас Марио на танкодроме: кидать гранату, зачищая дом, и давить следом огнем, лишь в последний момент уходя за укрытие. Марио привел нам очередной пример из своей широкой практики антитеррора, когда при зачистке комнаты с духами два бойца спецназа кинули гранату в комнату и отвернулись, ожидая взрыва, – а выскочивший из комнаты не желавший так легко даваться боевик завалил обоих из «Стечкина», и лишь пулеметчик, лежавший в проходе, успокоил не в меру дерзкого и находчивого ваххабита.

Раздался громкий хлопок с красно-желтой вспышкой, озарившей заднюю часть дома. Духи, оборзев от своей безнаказанности, стали закидывать нас гранатами. Отделение БТРа предпринимало постоянные отчаянные попытки пробиться и деблокировать своих, но духи, имевшие гораздо более выгодные позиции, тщательно пресекали подобное.

– Назар Сэму! Нас в кольцо взяли, даже из дома высунуться не дают! Духи уже гранатами закидывают! Восьмой вот уже угостили! – докладывал командиру о сложившейся неприятной обстановке Сэм.

«Саня, я принял! Как к вам пройти? Мы с Татаринцом попытались – нас петушить начали в хвост и в гриву, еле в ближайший дом отойти смогли! Есть возможность отправить кого-то навстречу, чтоб затащить нас, – мы вам поможем! – наглость бородатых не нравилась Назару, и он рвался к нам на выручку.

– Я понял, Серега! Сейчас кого-то из головняка отправлю! Парни уже ходили пару раз, говорят, знают, как проскочить! – отвечал Сэм.

«Я принял, аккуратнее только! – попросил переживавший за нас командир.

– Дигорец, давай, пошел! – взяв за плечо Арсена, крепкого молодого парня из Северной Осетии, поставил задачу Сэм.

Арсен был первоходом и сразу попал в головной дозор – самую опасную из всех должность в конторе. Именно головняк чаще других нес потери, нередко – безвозвратные. Постоянно идти первыми в самое пекло – такое требовало немало мужества и отваги. И, несмотря на свой молодой возраст, Дигорец с первых дней показал себя достойно. Еще не успевший полностью отдышаться после недавней вылазки на разведку ситуации и поиск путей отхода, он выдохнул, подготовившись для рывка, и почти выскочил из дома, как в проходе его остановил Сэм: «Стой, ты только пришел! Отдышись сначала! Дэмос, давай!»

Дэмос был опытным, матерым волком, прошедшим не одну боевую командировку в составе компании, сейчас он занимал должность старшего головного дозора – и шансов на успешное выполнение столь тяжелой задачи у него было гораздо больше, чем у новичка.

– Все нормально, Саня, я знаю, как пройти! – заверил спокойным уверенным голосом командира Дэмос. Еще пять минут назад он подбадривал всех нас и, рассказывая о своей невесте, ждавшей его в родном Тихорецке, говорил: «Ниче, парни, все будет отлично! Мы еще на моей свадьбе погуляем!»

Выбежав из дома, Дэмос помчался по казавшемуся ему наиболее безопасному пути встречать командира.

Буквально через считанные секунды раздался хлесткий одиночный выстрел – и последовавший тут же короткий тихий вскрик: «Ай!», который услышали только Сэм, доктор и сидевший в активных наушниках Дигорец.

Сэм тут же, схватив рацию, стал выходить на Дэмосу: «Дэмос, Дэмос Сэму! – но в эфире была тишина.

«Сэм, что там у вас? – спросил Назар.

– Назар, я Дэмосу отправил вам навстречу, затем был одиночный выстрел с его стороны, и теперь он на связь не выходит!»

В эфире повисла гнетущая тишина – всем стало понятно, что произошло что-то ужасное и непоправимое.

Смайлик как опытный снайпер по направлению звука выстрела и предполагаемому месту, где мог находиться Дэмос, определил точку, с которой вероятней всего работал духовский стрелок. Взяв с собой Дигорца, он вызвался пробраться на помощь товарищу.

– Саша, я понял, откуда он работает, сука! Я знаю, как обойти! – сказал Смайл и, увлекая за собой Дигорца, выскочил из дома.

Через несколько секунд после того как они покинули дом, снова послышались выстрелы со стороны духов.

Запыхавшийся Смайл вышел на Сэма по рации: «Саша, он с пятиэтажки напротив бьет! Мы проскочили! Видим Дэмосу рацию и автомат – они прямо на заборе сверху лежат, сам он не отвечает! Сейчас будем пробиваться на ту сторону! – обрисовал обстановку Смайл.

– Братик, аккуратнее, если вас зажмут, мы в готовности. Сразу на прорыв пойдем в лобовую! Нам терять уже нечего!!! – Сэм, поняв, что Дэмос как минимум тяжело ранен, завелся не на шутку и рвался в бой.

«Сашенька, Димы больше нет с нами! – спокойно, но с глубокой горечью в голосе сообщил Смайл.

«Блядь!!! – взвыл в рацию потерявший близкого друга и подчиненного Назар.

«Да блядь!!! Как так получилось-то?! – Кэп тоже срывался на отчаянный крик, он никак не мог привыкнуть к потерям.

«Саша, мы сейчас через заборы два прохода пробьем – чтоб вы могли выйти, единственное – вам надо будет через ближайший к вам перепрыгивать, он простреливается! – обозначал пути отхода опытный Смайл.

До нашего слуха стали доноситься размеренные удары кувалды, за которыми следовали взрывы гранат: это Смайл с Дигорцем, лежа под забором, переползая от одного к другому,

делали дыры в них и расширяли гранатами. Духи, сообразив, что русские пробивают себе пути отхода, старались изо всех сил достать их – закидывая тех гранатами и простреливая все вокруг, реагируя на малейший порыв ветра. Вызывая своими неудачными попытками у Смайлика приступы злорадного смеха.

Сэм ползком подтащил к забору стол, а затем стул – запрыгивая на которые, мы должны были преодолеть его. Духи, видя такое волшебное перемещение мебели у них под самым носом, принялись ожесточенно простреливать наш двор, Сэм крыл их на чем свет стоит и продолжал упрямо подтягивать мебель.

«Парни, мы на прорыв идем, помогите, чем можете!!! – это было обращение ко всем, кто находился рядом с нашей позицией.

Назар с Татаринцом подобрались к пятиэтажке насколько могли ближе и стали работать по вспыхивающим огненным точкам из бойниц и окон духовского укрепления.

Отделение БТРа и Сайгона ударило во фланг с двух сторон, оттянув внимание на себя по максимуму.

– Давай!!! Пошли!!! – перекрикивая шум разгоревшегося вокруг боя, кинул Сэм и быстрым коротким рывком бросился из дома к забору.

Мы по одному стали перепрыгивать через забор, отталкиваясь одной ногой от стула, а другой уже от стола, и, перевалившись через него, молниеносно бросались вперед, к следующему, в котором уже был приготовлен для нас Дигорцем и Смайликом небольшой круглой формы проход. Преодолев забор одним движением, доктор упал плашмя на землю – и одновременно с ним напротив на ноги приземлился Сэм, громко выкрикнув сакральное русское: «Блядь!!! Открыв глаза, доктор увидел прилетевшую с духовской стороны и тут же упавшую прямо перед его лицом и между ног у Сэма гранату РГД-5 с отстреленной чекой. Они с Сэмом, затаив дыхание, смотрели на гранату, но, к счастью, она не разорвалась – это уже был второй день рождения за сутки, что, впрочем, на войне не было редкостью. Участок между этим забором и следующим хорошо просматривался со стоящих напротив двух пятиэтажек и был смертельно опасен. Проходы были очень узкими, но нас это не останавливало – не сбавляя скорости, мы на полном ходу ныряли в них, разбивая об острые углы лицо и руки. За считанные минуты мы отошли в сторону через один дом и принялись занимать его для обороны. Духи, поздно опомнившись, поняли, что упустили загнанных в угол русских; осознание данного факта привело их в настоящее бешенство, и они пошли в атаку, пытаясь отрезать нас от своих в уже новом доме, который мы только что заняли. Контакты доходили до 7–15 метров – казалось, еще немного, и дойдет до рукопашной схватки. Им были нужны не только живые – бой не на шутку разгорелся еще и из-за Дэмоса, которого мы пока не могли вытащить из-под забора, где он лежал, при падении сложившись в стоявшую внизу клетку небольшого размера. У них имелась первостепенная задача – притащить кого-то из русских наемников живым или мертвым в качестве доказательства нашего присутствия здесь. Впрочем, задачи у нас в этом были схожими. Только Кэп был более «лоялен» к нам, и духи совсем не обязательно нужны были ему целиком – достаточно головы или ушей.

– »Кэп Назару! Духи Сэма опять в кольцо берут! – докладывал Назар, которого самого отрезали и не давали пробиться к нам.

Тактическое положение бородатых было в разы выгоднее нашего, чем они активно пользовались.

«Сэм Кэпу! Прячьтесь! Сейчас по вам Чепца работать будет!!! Я на вас огонь вызвал!!! – сообщил нам Кэп о том, что сейчас наши позиции будет ровнять с землей тяжелая бригадная артиллерия. То, за что по всем армейским уставам и нормам давали Звезду Героя, для нас было просто одним из немногих способов выйти из сложившегося тяжелого положения с минимальными потерями и не сдать свои позиции, не обрекая наших товарищей на верную гибель в попытках вытащить нас из этого огненного мешка.

Собравшись в комнате, предназначенной для молитвы, слева от входа в дом, мы залегли под окнами и приготовились к артобстрелу. Ждать пришлось недолго, вскоре небо заполнил специфический, характерный для тяжелых 122-миллиметровых снарядов подлетный шелест и короткий свист. Снаряды рвались настолько близко от нас, что вспышки разрывов нередко освещали дом изнутри, а осколки звонко скакали по мраморному полу, залетая к нам в коридор.

«Отлично, отлично! Прямо куда надо кладут!!! – кричал в рацию радостно-возбужденным голосом Сайгон, наблюдавший с третьего этажа дома, который занимало его отделение, за происходящим.

Несмотря на такой яростный обстрел, мы были на удивление спокойны, ведь по нам работали свои. Парадокс.

Боги войны отработали как никогда отлично – всего за 45 минут они положили столько снарядов на позиции духов, что на девятом десятке мы уже перестали считать, при этом наш дом ни разу не был серьезно поврежден. Несмотря на то, что вокруг все было разбито. Арта в бригаде всегда была на высоте.

«Сэм Кэпу! Вы как там? В порядке?! – переживал Кэп.

– Да, командир, отлично! Духи совсем затихли, видать, неслабо им досталось! – отвечал Сэм.

«А теперь идите и выебите этих пидоров!!! – проревел в рацию Кэп так, что она, казалось, вот-вот взорвется. Конечно, он не был столь ярым сторонником расовой теории, как могло показаться на первый взгляд, но то, что бородатые сегодня слишком много на себя взяли и должны быть за это наказаны, сомнений у него не вызывало.

– Да че-то как-то не хочется! – пошутил Сэм, разумеется, не в эфире. Мы были крайне вымотаны за этот день и физически, и морально, к тому же на улице уже начинало смеркаться, и сил на полноценное осуществление этой дерзкой вылазки у нас уже не было – как и БК, а о гранатах и говорить нечего.

– Командир, обязательно выебем! И не раз! Нам бы Дэмосу вытащить и пополниться – патроны на исходе, гранат практически нет! Да и темнеет уже! – ответил Сэм.

«Я принял, занимайтесь! И готовьтесь – завтра штурм! – разум у Кэпа всегда преобладал над эмоциями.

«Назар, ты принял? Завтра в шесть утра забираем у духов район – че-то они засиделись здесь! – вышел на Назара Кэп.

«Да, я принял, командир! – Назар тоже уже еле стоял на ногах.

Дэмос лежал совсем рядом от нас – прямо за домом у забора, но подойти к нему нам не давали, отчаянно простреливая каждый метр вокруг него.

Смайлик, сняв с себя всю экипировку, подполз к убитому товарищу вдоль забора и, обвязав его веревкой вокруг туловища, вернулся с другим ее концом к нам. Сэм с Дигорцем стали тащить Дэмоса из-за угла дома, молясь о том, чтоб выдержала веревка. Духи, наблюдая все это, со злости били во все стороны, но сделать ничего не могли. Это характерный почерк всего русского спецназа – своих не бросать и вытаскивать любой ценой, даже мертвых.

Вытащив Диму во двор нашего дома, доктор с Сэмом принялись осматривать его. Пуля, вошедшая под углом 45 градусов сверху, прямо над броником, угодила ему точно в сердце, не оставив ни единого шанса: с забора вниз он падал уже мертвым.

Собравшись возле тела погибшего, мы попрощались с Дэмосом, погрузив его тело на мягкие носилки, Дигорец, Эдельвейс и Болик понесли его на точку эвакуации, с которой еще сегодня утром, привезя туда Цзя и забрав доктора, Дэмос вернулся в этот злополучный дом. Назад они вернулись с едой и БК. Пополнив боезапас и поев первый раз за два дня, мы расположились на отдых, раскидав время ночного дежурства. Завтра предстоял не менее сложный

день – у духов было огромное преимущество перед нами, и предстояло взломать их оборону, что было весьма непросто.

Рано утром, когда небо начало уже сереть, мы вышли из дома и тихонько вдоль забора стали обходить справа улицу, подбираясь как можно ближе к недостроенным одноподъездным пятиэтажкам, стоящим друг напротив друга. Так же тихо на сближение пошли отделения БТРа и Сайгона, с которыми двигался и наш непосредственный командир Назар.

Приблизившись под прикрытием забора на расстояние броска гранаты, Сэм, накануне определивший каждому его задачу, резко крикнул: «Работаем! – и выскочивший из-за угла Итэн, второй номер расчета РПГ (незадолго до Цзя Радос – первый номер – был эвакуирован в госпиталь с осколочным ранением в бедро), «потушил свет» духам точным попаданием в окно пятиэтажки, из которой убили Дэмоса. Разорвавший атмосферу тихого разряженного утреннего воздуха разрыв от РПГ спровоцировал у нас выброс огромной волны адреналина, от которого волосы встали дыбом, на штурм мы шли, морально заряженные до предела. После гибели Дэмоса у нашего взвода к духам были личные счета, но и про погибших разведчиков никто не забывал, поэтому в дополнительной мотивации мы не нуждались.

«Вперед, пошли! – резко рванув, сокращая дистанцию между нами и позициями духов, Сэм повел нас в атаку.

Сзади точным снайперским огнем с выбранной накануне позиции крыл нас Смайл. Быстро перезарядив РПГ, Итэн послал еще один кумулятивный заряд прямо через наши головы в соседнюю пятиэтажку. В завязавшемся скоротечном контакте мы выбили духов, которые ошалели от такой наглости русских, еще вчера не раз едва не ставших их добычей.

Во время зачистки пятиэтажек повсюду бросались в глаза множественные пятна крови со следами волочения по земле – духи получили свое, но мы только начали. С правого фланга, зачистив свой сектор, с нами соединилось отделение Сайгона. Досматривая позиции духов, мы обнаружили, что им только подвезли завтрак (видимо, их тоже кормили только в темное время суток, опасаясь ударов артиллерии, наведенной с воздуха), и наспех перекусили, мысленно поблагодарив их за столь неожиданное угощение.

– Как вы так Дэмоса проебали?! – вместо приветствия поинтересовался у Сэма Кацап. Он был с Дэмосом из одного города, и дружили они задолго до прихода в компанию. Артем, так звали Кацапа, не мог поверить в то, что его друга больше нет.

Мы не нашли, что ему ответить. Это война, и от смерти здесь не застрахован никто. Все прекрасно понимали, что Кацап сейчас на эмоциях и доказывать ему что-либо – не самое лучшее время. Назар с Татаринцом направились посмотреть, как идут дела у досматривающих свой сектор отделения БТРа. А мы, немного передохнув, двинулись дальше.

– Так, начинаем, двигаемся дальше! Головняк, вперед! – скомандовал своим бойцам Сэм, и Дигорец, после смерти Дэмоса ставший старшим головного дозора, повел свою тройку на штурм начинающейся сразу за двумя пятишками улицы.

Начинать зачистку следовало с маленького неприметного одноэтажного домика, держать оборону в котором со стороны духов было бы как минимум неразумно – поэтому все были спокойны, но проверить дом все же следовало, поскольку духи стали прятаться в столь неприметных и тактически незначимых местах и потом стрелять нам в спину – мы еще не сталкивались с этим, но в смежных подразделениях уже имели место быть подобные случаи. На этом нас и подловили...

– Стоять! Это наш дом, и мы его чистим! – закричал Сайгон, остановив Дигорца, который уже потянулся рукой к калитке, чтобы открыть ее, и едва не наступил на порог.

Дигорец застыл и повернул голову к стоявшим в пятнадцати метрах сзади Сайгону, Кацапу и Сэму.

– Валек, успокойся, домов на всех хватит! – заверил Сайгона Сэм. Двум отделениям предстояло взять целый район, и он был прав.

– Головняк, вперед! – скомандовал Сэм, и Дигорец, уже подняв ногу, был в долях секунды от того, чтобы зайти в калитку.

Но тут его снова остановил Сайгон:

– Я сказал, стоять! Это наш дом, и мы в него заходим! – продолжал повторять словно одержимый Валек.

– Ну ладно, без проблем, заходите! Дигорец, назад! Не драться же нам здесь из-за этого! – забрал своих людей Сэм.

Причина, по которой Сайгон настойчиво рвался первым зайти в этот дом, нам всем была непонятна – это нетипичное поведение для любого из нас. Нет, конечно, от боестолкновений с противником никто не уклонялся и не ставил себе цель отсидеться за спинами товарищей, мы все были единым боевым организмом, «машиной смерти – из легендарной песни «Арии». Думаю, и сам Валек не понимал, почему его так сильно тянет именно к этому дому. Ответ на этот вопрос не заставил нас долго ждать. Едва разминувшись с головняком Сэма, опытные старые воины Кацап с Сайгоном стали подходить к калитке с двух сторон. Два отделения стояли в основном вдоль забора, граничащего с этой улицей, и восстанавливали силы, работы еще предстояло немало.

Скрип открываемой Сайгоном калитки сменился оглушительным взрывом, раскидавшим как котят всех, кто не был прикрыт забором. Поднявшись с земли, доктор ощутил, как налились тяжестью его ноги, миг став ватными, голова была свинцовой и гудела, а время замедлилось, растянувшись на отдельные мгновения.

– Блядь!!! Нас с воздуха уебали!!! – заорал в рацию Сэм; подрывы на минах были такой редкостью здесь, что сначала никто и не понял, что именно произошло. С трудом заставляя себя передвигать ноги, напрягая мозг, обогнув забор и придерживаясь за него руками, доктор поспешил туда, куда только что пошли Сайгон с Кацапом.

Валька, наступившего на фугас просто огромнейшей мощности, подняло в воздух, развернуло в обратную сторону и откинуло на целых семь метров. Он весил немало, отставной прапорщик ГРУ родом из Бурятии Сайгон, всегда был в отличной физической форме. Подбежав к нему, доктор перевернул Сайгона на спину, осматривая снизу вверх: у Валька не было одной ноги выше колена, а вторая оказалась раздроблена взрывом и висела на тонкой, шириной в пару сантиметров полоске кожи.

«Хоть бы выжил! В танки будет дома играть, детей воспитывать, пособие от конторы получать! – первое, что подумал про себя доктор. Евгений Викторович очень уважал штурмовиков за их нелегкий труд – и никогда не бросал в беде получивших тяжелые ранения или оставшихся инвалидами бойцов, выплачивая им до конца жизни солидные ежемесячные пособия и по возможности давая им работу на Родине. Это не было ни для кого секретом и значительно добавляло нам уверенности. Мы знали, что любого, кто честно выполняет свои обязательства перед компанией, в случае беды не оставят.

Подняв взгляд вверх, на голову, доктор обнаружил, что она пробита осколком, и понял: шансов нет.

– Валька!!! Нет!!! – подбежал и упал на колени перед родным братом Алтан.

– У тебя жгуты есть? Накладывай ему на ноги! – сказал доктор Алтану и побежал к лежащему без сознания на спине Кацапу. Кровь у Сайгона не шла, но перестраховаться было необходимо.

Подбежав к Кацапу и упав перед ним на колени, доктор принялся осматривать его.

– Док, док, смотри, артерия!!! – начал быстро повторять пришедший в сознание в этот момент Кацап. На бедре у него стремительно растекалось ярко-алое пятно крови.

– Вижу, вижу! – успокоил его доктор и, навалившись всем своим весом на кулак, которым пережал паховую область, стал доставать из правого набедренного кармана жгут.

Остановив кровотечение, доктор схватил Кацапа за разгрузку и потащил его обратно в одну из пятиэтажек, где Сэм уже вызвал машину для эвакуации и, распределив парней по верхним этажам, обеспечивал нам прикрытие.

«Ааааааааа!!! – крик Кацапа от боли резал уши, но уходить из красной зоны надо было как можно быстрее, поэтому с обезболом пришлось повременить до укрытия.

Алтан с подбежавшим на помощь Драконом потащили Сайгона.

Затащив парней в дом, доктор принялся обезболивать их и оказывать необходимую дальнейшую помощь.

– Сэм, помоги! – попросил товарища доктор.

– Да, братик! Че надо делать? – тут же подбежал ближе Сэм.

– Надо жгут переложить пониже – вдруг ногу не сохранят, чтоб протез хоть было к чему крепить! – объяснил доктор.

У лежавшего и впитывающего через мышцы плеча трамадол Кацапа от таких откровений отвисла челюсть: «Слышь, вы, бля, двое! Я ж вас всех запомнил, если, не дай бог, мне ногу отрежут – я вас найду! Вы поняли? – распалялся не со зла Кацап, больше иронизируя.

Разрезав ткань на внутренней поверхности бедра для того, чтобы осмотреть рану, доктор увидел, что у Артема сломано бедро – и торчащий острый как бритва обломок кости перерезал бедренную артерию напополам. Взяв на пальцы немного крови с краев раны, доктор поднял кисть и произнес:

– Парни, обратите внимание – вот то, о чем я вам говорил на занятиях: главный признак артериального кровотечения – не фонтанирование, а именно алый цвет крови! Поскольку фонтанировать может и вена, если по ней проходит артерия – как подключичная, например, либо вены, имеющие в своей стенке мышечные волокна, – верхняя и нижняя полые вены! Поэтому вот, пожалуйста, – классика!

Кацап снова широко открыл рот от возмущения:

– Слышишь, ты, классика, блядь! Давайте вывозите нас отсюда! Тоже мне, макет нашли! – мы едва сдерживали смех, глядя на возмущенное лицо Кацапа. Тема продолжал иронизировать, тем самым поддерживая нас. На следующий день после ранения, когда он только пришел в себя от наркоза, ему позвонила жена и сказала, что он стал отцом: у Артема родился сын!

Доктор подошел к лежащему немного дальше Кацапа в подъезде Сайгону и поставил ему подкожно мезатон – искусственный аналог адреналина. Валек был совсем тяжелым, и жизнь медленно угасала в нем, но доктор изо всех сил старался вырвать его из рук смерти. Скосив глаза на предплечье, в которое делал инъекцию доктор, Сайгон моргнул, благодаря его. Через полчаса он умрет по дороге в госпиталь. У него останется шестеро детей.

Через считанные минуты на место трагедии прибежали запыхавшиеся Назар с Татаринцом. Следом за ними тут же прибыл Кэп. Отправив ребят в госпиталь, мы собрались с духом и пошли дальше, медлить было нежелательно – справа от нас разведка вела не менее отчаянный бой. Парни брали местную милицейскую школу, и, судя по звукам, доносившимся с их стороны, там было жарко.

– Назар, аккуратнее давайте! Хватит уже на сегодня потерь! – обратившись к нашему непосредственному командиру, Кэп продолжил штурм вместе с нами. Забрав район у духов, мы стали закрепляться.

– Сэм, возьми с собой пару человек и выдвинься немного вперед! Вот к этой большой дыре в заборе, надо прикрыть разведчиков, чтоб духи их не обошли! – поставил задачу Назар. Разведка уже зашла на территорию школы и схлестнулась в ближнем бою с занимающими ее духами.

– Желающие! Кто пойдет со мной? – обратился к своему отделению Сэм, и доктор, Дигорец, Болик рванули с ним к указанной точке. Быстро перемещаясь, мы старались держаться как можно ближе к забору. Здание полицейской школы было напротив, и триста метров открытого

пространства до его головного корпуса сильно простреливались, наполняя воздух смертоносным железом. Уловив движение слева, доктор повернул голову и увидел несущегося в полный рост через открытку по направлению к школе Кэпа!

– Как здоровье, доктор? Нормально себя чувствуешь после подрыва? – дружелюбно, потоповски улыбнувшись, поинтересовался он у получившего контузию медика.

– Отлично, командир! Спасибо за беспокойство! – ответил доктор.

– Вот и замечательно! Сэм, аккуратнее давайте! Видите, стреляют! – сказал Кэп и в одиночку побежал на подмогу к разведчикам.

То, на что нам отводилось три месяца, мы выполнили за пару недель упорных боев, отбив у духов весь назначенный немалый район этого древнего многомиллионного города.

Продвижение вперед для нас на данный момент было окончено. Мы стали в глухую оборону. На передовой стояло затишье – духи зализывали раны. Но мы все равно не давали им расслабляться, периодически проверяя их оборону на прочность, в любой момент могла поступить команда «вперед», и мы должны быть готовы к этому, зная, где и как можно побольнее ударить наших бородатых друзей. Кэп как опытный артиллерист взял корректировку огня в свои руки и, опираясь на разведданные, кошмарил духов с неба.

В новогоднюю ночь прибыла оставшаяся часть отряда – взводы Монгола и Бетона. Им предстояло отбить у духов стоящую позади делового квартала «Северную деревню». Таким образом, Кэп планировал взять в окружение более чем двухтысячную группировку духов, державших деловой квартал, и устроить им второе пришествие.

Так же, как и взвод Назара, Монгол с Бетоном прибыли вечером – и рано утром уже должны были идти на штурм. Доктор сидел на кухне и ел привезенный Чипом и Метаном ужин, когда туда зашел Назар, который только что вернулся с совещания от Кэпа.

– Короче, завтра на рассвете с Русичем берем союзников с танком и в случае, если Монгол с Бетоном въезжают, выдвигаемся вперед от наших позиций и максимально жестко гасим духов, оттягивая таким образом на себя удар и основные силы! – делился поставленной ему задачей Назар.

«Ебал я в рот такие задачи! – подумал про себя доктор.

– Доктор, со мной пойдешь! – как будто прочитав его мысли, сказал Назар, резко повернув голову к нему.

Едва начало светать, за доктором с Назаром зашел Русич, и они втроем выдвинулись на заранее условленную с союзниками точку, но там, как и следовало ожидать, никого не было. Тогда они принялись прочесывать район в поисках танка – и обнаружили его стоящим прямо возле двухэтажного дома без всякой маскировки от обнаружения с воздуха, союзники же мирно спали, не удосужившись даже выставить охранение. Едва достучавшись и разбудив пинками доблестный танковый экипаж, все трое стали ждать команды от Кэпа.

– Назар, я выйду на улицу, покурю, будьте с доктором внутри, на рации! – сказал Русич и вышел на крыльцо дома, прикуривая сигарету и осматривая местность вокруг.

Доктор с огромным удовольствием комфортно развалился на диване в зале, взяв рацию в правую руку. Экипировка была нелегкой – помимо каски, броники, разгрузки, еще медицинская сумка и рюкзак: спина уже просила передышки.

– Че, Серый, отдыхаешь? – спросил вошедший в комнату Назар, но вместо ответа последовал сильнейший удар, и доктор слетел с дивана, как будто ему только что отвесили хороший подзатыльник. Назар тоже не смог удержаться на ногах, комнату стало заволакивать черным дымом. В дом с крайне охуевшим видом влетел Русич с разорванной в клочья сигаретой в зубах, точнее, тем, что от нее осталось: «Блядь, только закурил – короткий свист, прямо за угол положили! Вам под самое окно! На хуй, бросаю курить!» Духовская разведка спалила с воздуха танк, стоящий около дома без малейшего намека на маскировку и укрытие, и принялась методично ровнять нас с землей.

Тем временем парням тоже скучать не пришлось, подход к Северной деревне представлял собой 200 метров открытки, и духи, уже наученные горьким опытом, несли караульную службу весьма ревностно. Поэтому внезапное появление наших боевых товарищей на рассвете 2 января уже нового, 2020 года не стало для них неожиданностью, и едва успевший проскочить в сделанный из РПГ-7 проход в заборе Бетон услышал над своей головой характерные громкие щелчки, больше похожие на разрывы петард, и краем глаза увидел заваливающихся друг на друга пулеметчика и снайпера, которые шли за ним. Счет потерям этого утра был открыт.

В контакт включились сразу все два взвода, и духи, поняв, что русские бросили на штурм немалые силы, стали активно подтягивать резервы и отчаянно отбиваться.

Парни из отделения Сноу стали единственными, кто успел ворваться в деревню, но противник, имеющий хорошо подготовленные укрепленные позиции и не обескураженный фактором неожиданности, закрепиться им так и не дал, вынуждая искать укрытие между заборами двух узких арабских улочек. Парни, собравшись в воронке, образовавшейся от прилета крупнокалиберного снаряда, сбились в одну кучу и лежали, не имея возможности даже поднять головы под перекрестным шквальным огнем. Сумевший проскочить к очередному раненому, который так и не смог преодолеть эти злосчастные 200 метров, медик первого взвода Паша Авиценна наспех наложил жгут на перебитую ногу, стал оттаскивать Ваню Пилигрима в укрытие, бросив взгляд на парней, которых плотным огнем прижали два духовских пулемета. Он понял, что атака захлебнулась – и шансов у парней просто не осталось, в этот момент, словно в подтверждение его догадки, в рации прозвучал голос уже раненого на тот момент Сноу: «Командир, нас зажали! Все, походу, нам... – его фразу оборвал прилет точно в центр лежащего на земле отделения. Авиценне достаточно было одного взгляда чтобы понять: живых там больше нет.

Теперь речь о взятии деревни даже не шла, у всех болела голова о том, как вытащить раненых товарищей, которые лежали на открытке. Дав целеуказания танку, Русич оставил Назара с доктором контролировать трусливых и всячески пытающихся уклониться от присяги, если, конечно, она у них имелась, танкистов союзников, а сам, взяв под свое командование группу местных аборигенов и наемников из ЧАДа, больше напоминающих персонажей советского мультфильма «Чунга-Чанга», ударил во фланг Северной деревни, имитируя активное наступление и пытаясь зайти на деловой квартал, в пятиэтажки, что позволило оттянуть на себя значительные силы противника и дать возможность тем немногим уцелевшим парням из взводов Монгола и Бетона, а также пришедшим им на помощь бойцам из разведки вытащить наконец-то трехсотых. Одну из самых дерзких вылазок на бронированном «Чекане», который управлялся Фокстром с его несменным напарником Катетом, стоящим за башенным пулеметом и поливающим свинцом все, что имело хоть малейший признак угрозы с противоположной стороны, осуществил Авиценна, подскочивший к месту, где собрались остатки раненых, и спешно загрузив их внутрь бронированной машины, вывез в желтую зону, в дом, который в тот день превратился в настоящий полевой госпиталь. Счет раненых давно уже перевалил за пятый десяток, и Скорый с Авиценной работали на износ, демонстрируя чудеса отечественной медицины катастроф, так и не дав больше никому в тот день перейти в категорию «200».

Для Авиценны то был первый бой в компании, до этого он уже успел неоднократно побывать в командировках на Кавказе, за что даже был удостоен медали «За отвагу», но потом сам неоднократно шутил: «Я до конторы думал, что пиздец как воевал в СОБРе! А потом понял, что я ни хуя не воевал!»

Паша был начмедом Ижевского СОБРа. Дослужившись до пенсии и звания капитана, он устал ждать обещанного ему командиром очередного звания майора, с которым его каждый раз прокатывали, и произнес фразу, за эти годы ставшую сакральной для всех тех, кто разочаровался в системе, которая, в свою очередь, наплевала на них: «Идите на хуй, я в контору!»

Через неделю он уже сидел на фильтре и ждал распределения – где его и приметил Малец:
«Это ты тут медик, что ли?»

«Да! – ответил ему Паша.

«Шо, и диплом есть? – в свойственной ему ироничной форме поинтересовался Малец.

«Есть, есть, не ссы! – ничуть не растерялся Паша.

«Ну ладно, тогда пойдем со мной – будешь во 2-м ШО медиком! – определил его дальнейшую судьбу Малец.

Так начался новый этап в жизни Авиценны, который он прошел более чем достойно, подарив шанс на вторую жизнь не одному десятку парней. Всего через три года работы в компании у Паши было уже четыре медали «За отвагу»!

В то судьбоносное – и, к сожалению, для большинства в худшую сторону – утро мы так и не смогли взять Северную деревню, оставив этот вопрос открытым на целых три месяца. Но жертвы, которые героически принесли наши боевые товарищи, были не напрасны, мы смогли зацепиться за край деревни, заняв одну улицу, которая в будущем станет плацдармом для решающего штурма.

Северная деревня

На рассвете после короткой артподготовки под прикрытием огня тяжелых пулеметов с правого фланга и АГСов, бьющих по самому переднему краю вражеских позиций, группы штурмовиков пошли на максимальное сближение с противником. «Северную деревню», а именно такое название имел данный район на тактической карте русских, пора было забирать, по мнению Кэпа, как, впрочем и всех остальных бойцов до последнего. Духи изрядно подзадержались в этом районе, и пора было взыскать с игиловских недобитков арендную плату за дома, которые они занимали все это время, в идеале – их жизнями и трофеями. Уж слишком долго это место было камнем преткновения между нами и духами – и именно здесь мы понесли самые тяжелые потери за все время работы, потеряв немало хороших парней, которые положили свои жизни за первые, но, к сожалению, безуспешные попытки с ходу взять эту точку, а счет раненых так и вовсе шел на десятки, причем в большинстве своем тяжелых. Поэтому сомнений о важности данного утреннего мероприятия не возникало ни у кого, и как только в эфире прозвучала команда Кэпа, адресованная командирам штурмовых взводов, о начале штурма, варяги пошли на быстрое и уверенное сближение с противником.

По левую сторону деревни шли две штурмовые группы Назара, а по вторую две точно такие же, но Бетона. Назар с доктором шли немного позади основных сил, по центру между отделениями, Назар корректировал огонь АГСа и управлял штурмовиками, отдавая команды отделениям Сэма и БТРа, а доктор находился при командире в готовности при первой необходимости выдвинуться вперед и вытаскивать раненых, если такие появятся. Еще одно штурмовое отделение сидело в километре от места боя в резерве – на случай непредвиденных ситуаций, и они, к сожалению, начались, как всегда, быстро и неожиданно.

«Назар Краснодару!!! У БТРа контакт пошел, потом подрыв – и все... Они на связь не выходят!!! Головняк, походу, въебался!!! – вышел на нас Евгений.

– Блядь! Доктор, пошел!!! Давай, Серый, ты к раненым, а я резерв затаскивать, понеслась, пошла жара! – сказал доктору Назар.

– Краснодар, как туда пройти к ним? Встретьте доктора и сориентируйте, как пробраться, чтоб его не завалили, и прикройте!!! Я резерв погнал встречать и затаскивать!

– Татарин Назару!!! – вышел он затем на своего зама, сидящего с резервом в полной боевой готовности.

«На связи! Серега, мы все слышали! Выдвигаюсь к вам с отделением Дракона!!! Серый, я с «птички» посмотрел, духи к вам стягиваются, их пиздец сколько, аккуратнее будьте! – предостерег Татарин.

– Да в рот их ебать, пусть подтягиваются, уебки! – невозмутимо и с огромной долей азарта ответил Назар. У Сереги счет штурмов за плечами давно перевалил уже за сотню, и для него понятие «хороший штурм» измерялось не квадратными километрами, взятыми с минимальными усилиями, а количеством личного состава с обеих сторон и их упорством.

Пробравшись через искусственно пробитую дыру в заборе и перебежав через двор, весь усыпанный осколками снарядов и кирпичной крошки, доктор подбежал к воротам, ведущим на другую улицу, и увидел Краснодара, который стоял в проеме открытой калитки и держал под прицелом правый сектор около впереди стоящего дома. Махнув рукой доктору, мол, сюда, пробегай быстрее, он медленно пошел вперед, контролируя сектор, из которого в любой момент мог появиться враг.

Добежав до ворот, доктор увидел лежащих на крыльце перед домом бойцов головняка в шоковом состоянии и залитого кровью командира отделения БТРа, слабо стонущего от боли.

Воздух был напоитан гарью пороха, кислым приторным запахом взрывчатки – и запахом крови, который, услышав один раз в жизни больше, не спутаешь ни с чем и никогда. А когда

эти запахи перемешивались, то даже самым стойким порой становилось не по себе. Это был запах не просто каких-то химических составляющих, а человеческой судьбы, боли, страданий и героизма, который проявили эти парни, заплатив такую высокую цену за то, чтобы взять хотя бы один дом этой проклятой деревни.

Моментально сориентировавшись и схватив БТРа за край разгрузки, доктор потащил его в ближайшее укрытие – дом, в который они так и не смогли войти, не хватило всего пары шагов, чтобы преодолеть ступеньки. Они, как и пол, были мраморными, что для здешних краев считалось скорее обыденностью, чем предметом роскоши и богатства.

Несмотря на бьющий ключом адреналин, доктор отметил, что тащить БТРа уж слишком легко. Оглянувшись в испуге назад, боясь обнаружить товарища без какой-либо конечности, он с облегчением заметил, что тот, по крайней мере, остался при своих, просто обилие крови создавало на мраморе такой эффект скольжения, что Леша шел как по маслу. Затащив БТРа в дом, доктор принялся осматривать его и срезать одежду, пытаясь определить локализацию и характер ран, поскольку визуально это сделать через одежду было просто невозможно – она вся пропиталась кровью.

– Парни, заползайте, внутрь! В укрытие! – кричал доктор на улицу, тяжелораненого БТРа нельзя было сейчас оставить и помочь остальным, более легко раненым, но все же ошутимо, товарищам!

– Не можем! Больно! Ноги отказали! – отвечали с крыльца.

«Бах-бах-бах!!! Гроооом!!! БАБАХ!!! – это Краснодар отстреливался и кидал гранаты. Духи, почувствовав вкус крови, пытались пробиться к месту трагедии и добить раненых варягов, но просчитались. У них на пути стеной встал Евгений (так звали Краснодара), у которого было свое мнение и эрекция на их планы. Оказав первичную помощь БТРу, доктор принялся затаскивать остальных ребят в дом и помогать им. У Савы осколками сильно посеколо ноги, а у Крапаля, несмотря на маленькую рану под коленом, нога и вовсе отказала – был перебит нерв.

– С нами еще Зима был, он тоже тяжелый, его Краснодар успел оттащить сразу после подрыва! – сообщил Сава.

В этот промежуток времени, который, казалось, растянулся на целую вечность, в дом заскочили Нальчик и Аякс с вопросом: «Ну че, БТРа забираем?»

– Да, уже можно! Ща, секунду! – Доктор вытащил из рюкзака носилки и расстелил рядом с БТром. – Так получше будет? – спросил он.

– Вообще отлично, мы погнали! – ответили парни.

Схватив БТРа, как будто он и весил не больше, чем его автомат, Аякс с Нальчиком семимильными шагами понеслись на точку эвакуации, которая начиналась на выходе из деревни, тянуть нельзя было ни минуты – жизнь БТРа, как никогда еще во всей его военной биографии, была на волоске от того, чтобы оборваться в самом расцвете сил, да и ждущие с нетерпением раненых товарищей на условленной точке эвакуации, выходе из деревни, Метан с Чипом подвергались смертельной опасности, поскольку в условиях современной войны любая техника была очень хорошо видна с воздуха, да и духи понимали, что своих русские будут выносить любой ценой – живых или мертвых, и могли в любой момент начать бить по путям отхода.

Едва успев осмотреть Саву и оказать ему помощь, доктор услышал топот ног и, подняв голову, увидел бегущих обратно задыхающихся от такого экстремального кроссфита Нальчика с Аяксом.

– Ну че, братишка, Саву тоже забираем? – спросил Аякс.

– Сейчас, минуточку! – доктор быстро поставил в плечо трамадол Саве, которого не сильно взяла одна ампула, сделанная перед этим, и он все еще кривился от боли, выглядя весьма бледным.

– Вот теперь порядочек, тащите! – сказал доктор.

– Давай, братишка, пойдем! – Аякс подхватил Саву, весившего под центнер, так, как будто делал это каждый день и для него это было вполне обыденной ситуацией. Чему тут удивляться, этот здоровяк родом из Курска был на голову выше большинства ребят из отряда, а в ширину мог посоревноваться с самим Русичем. Мастер спорта по рукопашному бою, много лет отдавший спорту и работе, требовавшей идеальной физической формы, работе телохранителя, он в свои 42 выглядел так, как большинство из нас в свои лучшие годы.

Нальчик помог Аяксу поднять товарища, подхватив Саву за ноги, накинув на себя его автомат. Саня был родом из Кабардино-Балкарии, но жил в Ростове-на-Дону. Крепкий коренастый парень с отличным чувством юмора и доброжелательным отношением ко всем ребятам без исключения, всегда поднимал настроение в компании, он был чуть моложе Аякса, но уже тоже нес за плечами немалый жизненный опыт и не одну войну, в отряд его привел Русич с которым они вместе служили в Ростовском ОМОНе, и Саня старался всячески оправдать его доверие и имя.

Крапаль все еще оставался лежать на крыльце, и доктор, выскочив из дома, подбежал к нему и, схватив за край одежды, стал затаскивать в дом, повернувшись в этот момент к Краснодару, который все это время обеспечивал успех данного мероприятия по эвакуации раненых товарищей:

– Женя, отходи!!!.

– Понял! – Краснодар сделал один шаг назад.

«БА-БАХ!!! – «Ай, блядь!!! – бело-серое облако пыли вспыхнуло прямо под ногами у Краснодара, отбросив его, весившего только без экипировки добрых 95 кг, на пару метров назад. Это духи все-таки достали его гранатой из подствольника, прилетевшей прямо под ноги. Попытавшись тут же подняться, Евгений рухнул, сразу же неестественно подогнув ногу, на которой стремительно растекалось ярко-красное пятно.

Бросив Крапаль, доктор подбежал к Евгению и, схватив его за край броника, стал затаскивать в дом.

– Док, док, я отъезжаю! – слабым голосом произнес Евгений, получив серьезную контузию и множественные осколочные ранения, он держался из последних сил, чтобы не перейти в автономный режим.

– Ща, братик, потерпи! – Доктор быстро расстегнул карман на правом бедре и, достав жгут, стал перетягивать поврежденную конечность, одновременно с этим из нагрудного кармана Евгений достал турникет и протянул его доктору, но тот отказался: – Жека, убери эту херню пиндосовскую, она хорошо работает, только когда тебя в руку ранили, а у тебя зубов нормальных нет, чтоб конец жгута зажать для оказания самопомощи, – разрядил обстановку юмором доктор и, чтобы как-то отвлечься и поддержать товарища, продолжал краткий курс тактической медицины в своем понимании: – К тому же, чем еще хорош наш отечественный жгут, так это тем, что накладывается, как правило, три тура, таким крепким парням, как ты, – иногда два, а это значит, что площадь сдавливания мягких тканей увеличивается, распределяя необходимые усилия для прижатия артерии к кости на гораздо большее расстояние, и за счет этого риск ишемизации тканей и травматического поражения нерва гораздо меньше, чем при использовании турникета, поскольку там только один оборот, что в условиях задержки эвакуации раненого может гораздо быстрее привести к потере конечности, понимаешь? – подытожил доктор.

– Братик, да вообще по хуй, давай лучше думать, как выбираться отсюда будем, я вообще не боец! – произнес теряющий силы Евгений.

– Сейчас, сейчас, потерпи! – успокоил его доктор.

– Назар доктору! На связи! Краснодар триста! Тяжелый! – сообщил неприятные новости в эфир доктор.

«Да блядь!!! Держитесь, сейчас вытащим! – отозвался Назар.

«НАЗАР, ЕБИТЕ ИХ ТАМ ВСЕХ, ЧТОБЫ, СУКА, НИ ОДНА ТВАРЬ НЕ УШЛА!!! – Кэп не то что орал, а просто ревел в рацию от ярости!

Для всех нас в таком отрыве от Родины он заменял каждому и отца, и мать – и, надо отдать ему должное, делал это от чистого сердца, переживая за каждого, особенно раненого или погибшего, больше, чем за самого себя, так сильно, что я бы не удивился, если бы узнал, что у него на сердце столько рубцов, сколько ребят погибло за все время в его отряде.

«Сейчас, командир! У меня даже резерв уже триста!!! – отвечал Назар.

«Я понял, держитесь, я с Девятым только что беседовал, вы молодцы, Родина гордится вами, надо дожимать их, Серега!!! Им тоже сейчас несладко, они такие же люди, как и все мы, и тоже несут потери, поймите это! Только с противником им повезло гораздо меньше, чем вам! Сейчас Русич возьмет союзников, выдвинется во фланг их, ударит, чтобы резервы сковать!!! – Кэп, как и подобает настоящему боевому командиру, был отличным тактиком и не менее талантливым психологом – и сейчас заставлял свой мозг работать на все возможные и невозможные пределы, чтобы решить возникшие вопросы и как-то помочь своим.

Кадровый офицер-артиллерист, он был из тех, кого система, построенная потомственным оленеводом из Тувы, не смогла переварить и, едва не заработав себе язву, выбросила на гражданку – это была армия нового поколения, четвертого или, может быть, даже пятого, но только на бумагах, в бесконечных учениях (основной целью которых было повальное списание топлива, а не то, что вы подумали) и докладах президенту. Кэп был никудышным офицером армии будущего: он не знал, как сделать ремонт в казарме за счет военнослужащих, а бюджетные деньги пустить в «правильное» русло, построив дачу очередному генералу, не умел должным образом принимать проверки, умасливая лощеных высоких гостей с огромными звездами на погонах, вечеринками в стиле Древнего Рима и так далее.

Так же быстро вернувшись обратно, как будто отлучались за угол справить нужду, а не тащили тяжелораненого, обмякшего от потери сознания здоровяка Саву, Нальчик с Аяксом уже были готовы забирать остальных и уходить наконец-то из этого злополучного дома, во время зачистки которого пошел контакт с занимающими его бородастыми и духи ухитрились выкатить по полу гранату нашим, но вошедший в азарт боя БТР, поддев ее ногой, закинул обратно, не хватило каких-то долей секунды, чтобы граната разорвалась внутри дома, а не на крыльце, но этот момент уже остался в истории.

Следом за ними пробился Тушкан, невысокого роста паренек был из совсем новеньких – и его сразу же определили вторым номером расчета РПГ к Евгению, который на правах более старшего и опытного товарища взял над ним шефство и обучал как родного брата.

Подхватив Евгения, Тушкан с Нальчиком потащили его в тыл, к своим, а доктор, повесив автомат Крапаля себе за спину, приготовился к отходу, прикрывая Аякса, который, произнеся привычную фразу: «Пойдем, братишка!», подхватил Крапаля одной рукой, как будто свой пулемет, и спокойно понес его в дом, который стоял позади и с которого начинали движение сегодня утром; сейчас этот дом больше напоминал временный госпиталь.

На полу с перетянутым жгутом бедром и черным от пороховых газов лицом лежал и стонал Зима, который был совсем плох, его успели оттащить практически сразу, но на входе в дом, в котором он сейчас находился, его догнал духовский РПГ, прилетевший в соседний забор и сразу определивший Зиму в тяжелые, а чуть дальше от прохода в коридоре лежал только что пришедший к нам на помощь Афоня из отделения Дракона, который уже был ранен, едва добравшись к месту боя, над ним хлопотал, перевязывая израильским военным биндом, Диас, у которого самого из отставленной в сторону правой ноги сочилась кровь.

– Заводил их к нам на позиции, шел первым, они следом, прямо нога в ногу, плотно двигались, только в дом заскочил – между мной и ними взрыв, оба триста, даже сразу и не поняли, что случилось, Афоня еще по инерции пару метров пробежал! – объяснял Назар доктору, который с удивлением смотрел на открывшуюся картину: раненых уже было столько,

что просто голова кругом шла. Доктор быстро сориентировался в своей полевой медицинской сумке, постарался по максимуму стабилизировать тяжелого Зиму и, обезболив Афоню, дал добро на их эвакуацию.

Парни принялись оттягивать раненых в тыл, передавая их дальше по плечу эвакуации для отправки в госпиталь к Отцу на пикапе, уже который штурм заменявшем им скорую помощь. Чип с Метаном только и успевали, что подвозить БК и забирать раненых, в какой-то момент это даже казалось символичным: БК был своего рода топливом для того, чтобы пламя войны не затухало и разгоралось еще сильнее, а раненые бойцы – как побочный эффект такой суровой деятельности, но что поделать, на войне как на войне, и выживает здесь сильнейший – во всех смыслах.

Леня, так звали Чипа, был родом из Красноярска и в свое время успел отсидеть за экстремизм, когда это еще не было мейнстримом, после чего в современной России все дороги перед ним сразу же стали закрыты, хотя ничего сверхъестественного он не желал, не был каким-то убежденным сторонником Третьего рейха и нацизма, а просто боролся с незаконной миграцией и всеми теми бедами, которые она несла в русские земли. Все дороги... Кроме одной – в компании всегда ценили парней с характером, необычным ярким прошлым и личной ненавистью к охувшим зверькам, поэтому его сразу приняли с распростертыми объятиями в ряды конторы. В один день с ним пришел и его родной брат Дэйл. После осуждения брата по 282-й статье для Дэйла дорога на любую приличную работу, а тем более ассоциированную с госслужбой, была навсегда закрыта – и он, не думая, пошел за старшим братом. Они всегда держались вместе и перепробовали не одну воинскую специальность в конторе, в каждой добиваясь успехов, даже с нуля освоили танк! Успешно отработав на нем боевую командировку. С первых дней в компании они прошли все боевые командировки, включая штурм Пальмиры, и в боях за поля Шаир получили тяжелые ранения – Чип, работая из «Утеса», получил пулю в плечо от снайпера, а Дэйл – тяжелое осколочное ранение в голову, и ушли на долгий больничный вплоть до захода в Ливию.

Назар сильно переживал, хотя тщательно скрывал это, всем своим видом выражая непоколебимую уверенность в нашей победе, и подавал всем остальным пример мужества и спокойствия, он был нашим непосредственным командиром, и судьба каждого из нас беспокоила его не меньше, чем Кэпа!

Сейчас его взвод понес большие потери, к счастью, только ранеными, но от этого было не легче. Он до сих пор не мог отдышаться и прийти в себя, все это время он помогал оттаскивать раненых, заводить подтягивающихся из резерва бойцов, попутно расставляя их на позиции и нарезая задачи, держал связь и взаимодействие со смежным подразделением Бетона и докладывал обстановку Кэпу.

Тем временем отделение Сэма смогло пробиться по левому флангу до основной базы духов – К-20 представляла собой большое двухэтажное здание квадратной формы, которое активно использовалось противником крайние несколько месяцев в качестве основной базы в Северной деревне. С левого фланга от ближайшего здания до нее было около 70 метров открытки, которая хорошо контролировалась с верхних этажей и пролома в заборе. С правого – ситуация была гораздо приятнее, по крайней мере, для нас: к зданию можно было подойти под прикрытием двух домов, которые стояли один за другим по диагонали, выбив оттуда духов. За самой К-20 оставался небольшой хлипкий одноэтажный домик, до которого было 200 метров открытки; потеряв свою основную базу, духи окончательно потеряли бы весь район, лишившись основного и последнего плацдарма для его удержания. Поэтому взятие К-20 было решающим моментом в этом штурме. При разработке плана на совещании было принято решение подойти к базе с двух флангов и в тот момент, когда отделение БТРа, взяв два дома, примыкающих к К-20, войдут в прямой огневой контакт с противником, занимающим там оборону, отделение Сэма под прикрытием огня гранатометов и пулемета резким рывком должно было

преодолеть открытку и зайти со своей стороны. Но, как это часто бывает, план пошел по одному известному женскому месту – и отделение Сэма осталось один на один с проблемой, которая теперь встала еще острее: потеряв за считанные минуты половину отделения, бойцы БТРа не только не смогли продвинуться вперед, но и увязли в первой линии домов, лихорадочно соображая, как вытащить большое количество раненых, и отчаянно отбивая дерзкие попытки духовских контратак, которые стали активно подтягивать резервы, состоящие из групп ГБР, в состав которых преимущественно входили бойцы турецкого спецназа. Эту тактику они выработали всего за пару месяцев боев с нами, решив не рисковать опытными подготовленными бойцам, оттащив их на вторую линию обороны, а на первой выставив боевиков из Сирии, и только когда фронт начинал сыпаться – они подтягивались на самые критические участки и вступали с нами в бой. Отдадим должное: подготовка у них была на уровне, и часто настоящий бой начинался не с моментом первого контакта, а когда подтягивались эти отчаянные парни.

«Назар Большому! Надо К-20 брать!!! Духи во фланг нам заходят, блядь! Сейчас уже свои позиции проедем!!! – вышел на Назара командир отряда, чем несказанно «обрадовал» бойцов из отделения Сэма, которые собрались на первом этаже крайнего перед К-20 дома, переводили дух, тяжело дыша после только стихнувшего боя, и смотрели через дверной проем на здание, в которое им теперь предстояло заходить одним, без отвлекающего маневра с правого фланга, что делало данную задачу практически невыполнимой.

– Так, головняк, кресты сюда подтягивайте, бегом!!! – поставил задачу головному дозору Сэм, в мозгу которого уже назревал нихуевый план. Кресты подразумевали собой сделанные из пластиковых оконных рам, скрепленных друг с другом крест-накрест и забитых пластиком, 4- и 12-килограммовые заготовки, сделанные для нас отрядными инженерами Рудом и Жорой.

На вполне резонный вопрос Назара: «На хера они нам?» Жора ответил: «Проходы себе делать будете!»

И если 4-килограммовый крест мы еще использовали пару раз для того, чтоб проложить себе дорогу через дома и заборы, то насчет 12-кг – даже не знали, какой должна быть стена, в которую мы упремся, чтобы сделать при помощи такого креста себе проход, но так как мы были парни хозяйственные, наверное, потому и живые до сих пор, то все, что могло пригодиться хотя бы однажды, – всегда таскали с собой по максимуму.

– Кто орден Мужества хочет? – обратился к своим бойцам Сэм, который стоял и придерживал правой рукой стоящий перед ним 12-кг крест.

– Да ну его на хуй! – ответили ему дружным хором.

– Вы че, охренели мне такое говорить?! Я ваш командир!!! – взорвался Сэм.

– Зато честно! – ответил ему Болик, и коридор наполнился истерическим хохотом.

– Так, блядь, Бамут! – повернулся к штатному саперу отделения Сэм.

– Я уже два раза отличился! – тут же попытался опротестовать назревающую задачу со звездочкой тот.

– Да мне по хуй! Ты сапер у меня, сюда иди! – сказал Сэм и стал доставать из рюкзака, висевшего на спине у подошедшего к нему Бамута, огнепроводный шнур. Отрезав от него где-то полметра, Сэм вставил его в капсуль-детонатор и воткнул в 12-кг крест, который был размером чуть меньше самого Коли.

– В компании все просто, Колян: был сапером, а стал шахидом! – подкалывали товарищи бледного как мел Бамута.

– Значит, так, все в готовности! Сейчас Бамут добежит до К-20 и перекидывает им крест через забор! А мы его кроем!!! После подрыва заходим туда! Головняк в готовности!!! – поставил задачу парням Сэм.

– Колян, если ты сейчас споткнешься – это будет самый смешной орден Мужества из всех, что мы видели в конторе! – продолжали изгаляться над Бамутом товарищи.

Сэм присел на колено и стал поджигать огнепроводный шнур.

– Саня, че такой короткий-то, блядь?! – возмущаясь и переходя уже на крик, спросил у командира Бамут.

– Ничего, быстрее бежать будешь! – невозмутимо успокоил сапера Сэм.

Едва порох внутри ОШ вспыхнул огнем, Сэм тут же, не мешкая, помог Бамуту вытащить крест из дверного проема и закинуть на плечи, подтолкнув его в направлении духовской базы с криком: «Пошел!!!»

– Youb tvoyu mat!!! – прокричал Бамут известный еще с Русско-японской войны воинский клич, который неизвестный русский офицер трактовал журналисту «Нью-Йорк Таймс» не иначе как «Умрем за Царя и Отечество», и рванул изо всех сил к К-20 под прикрытием огня товарищей. Добежав до забора, практически вплотную примыкающего к базе, Бамут на выдохе перекинул огромный крест через забор прямиком во двор духам – и тут же присел, сгруппировавшись и закрыв голову руками.

«БАХ!!! – взрыв огромнейшей силы буквально сложил забор на сидящего под ним Бамута и поверг в серьезнейший шок духов.

– Вперед, штурм!!! – заорал что было сил Сэм и рванул вперед, увлекая за собой головняк.

Под прикрытием огня из РПГ, который вел по верхним этажам Радос, Болик, Дигорец и Тобол подошли вплотную к глухой торцовой стене здания и стали активно ломать ее двумя кувалдами, чтобы зайти внутрь. Сэм с парой бойцов принялся разбирать обломки забора, чтоб вытащить из-под них заваленного Бамута. Несмотря на то, что Коле досталось неслабо, он отделался легким испугом и контузией, и теперь сидел на земле весь в пыли, с черным, как у негра, лицом, широко, как рыба, открывал рот, часто моргая, и вызывал своим комичным внешним видом у своих товарищей очередные приступы нервного смеха.

Назар с доктором стояли на коленях друг напротив друга и, сдерживая рвотные позывы, возникшие от перенапряжения, пытались отдышаться, как вдруг начали раздаваться серии взрывов: сначала один, невероятной мощности, а затем один за другим гораздо тише первого – сперва глухой, затем более хлесткий и громкий, и так по кругу. На фоне этого была слышна ритмичная работа двух кувалд, долбящих без остановки стену, и громкие крики: «Аллах акбар! Аллах акбар! «вперемешку со стонами.

Духам, судя по всему, было не очень комфортно.

– Сэм Назару! Что там у вас?.

«Назар, мы на К-20 заходим, тут духи!!! – ответил Сэм, отделение которого сейчас активно взламывало оборону духовской базы. Со стороны могло показаться, что эти отчаянные парни пробивают себе дорогу в ад, в принципе, это так и было, только ломились они туда не для того, чтобы стать мучениками или ответить за свои грехи, а как раз-таки наоборот – чтоб посмотреть на тамошних чертей, которые упирались и не хотели отдавать эти два гектара земли, за которые этим ранним утром был пролит столько крови, и поддать им жару.

– Нальчик, принимай отделение! – сказал Назар, взяв за плечо Саню.

– Какое, блядь, отделение? Четыре человека осталось!!! – Нальчик, а затем и все остальные взорвались нервным хохотом, ситуация действительно выглядела комичной.

– Вот это я понимаю, карьера поперла! Ты, Саня, смотри, если и дальше будем так работать, скоро до взводника дослужишься! – заключил доктор, и всех опять разорвал дикий хохот, так через черный юмор выходило напряжение, которого уж очень много накопилось за пару часов боя.

– Так, парни, закрепляйтесь здесь, я с доктором на штаб – докладывать Кэпу о выполнении задачи, скоро вернемся! – сказал Назар.

Путь из Северной деревни до штаба был неблизкий и очень опасный, так как изрядно простреливался и имел весьма мало мест для укрытий, необходимо было максимально быстро перебежать от одного к другому. Моментально проскользнув в дыру забора, которая обозна-

чала начало Северной деревни, Назар с доктором изо всех сил рванули по направлению к одиноко стоящему дому на открытом пространстве между деревней и огромным плацем с КПП на въезде, то был НП Камень, по позывному старшего этого поста, дом был единственным более-менее серьезным укрытием на пути к Северной деревне и изрядно простреливался, не имея уже ни единого целого места на фасаде, держать в нем оборону было крайне опасно и иногда казалось настоящим безумием, но другого выхода не было, так как он служил отличным плацдармом и тылом для взятия деревни, которая наконец-то была наша!

Уже добегая до входа в дом, Назар с доктором услышали шелест мины, к счастью, перелетевшей через них и ударившей в дом на второй линии улиц. За считанные доли секунды до разрыва мины раздался громкий истошный крик, скорее напоминавший рев: «Аллах акбар!!!» Оглянувшись на доктора, Назар спросил: «Бля, духи, что ли? Откуда?». Ответ на этот вопрос дала рация, внезапно ожившая у Назара на груди: «Назар Аяксу! Габа триста!!!»

Отделение теперь уже Нальчика, как будто несущее на себе какое-то проклятье, продолжало сокращаться, неся потери. Как выяснилось, к Аллаху воззвал чеченец Габа (или, как еще любил в шутку называть их Девятый, – чехославянин), который, услышав подлет мины, заявил привычным для мусульман выкриком, что вертел он смерть на том органе, который определяет его принадлежность к мужскому полу, и готов предстать перед Всевышним и ответить за всю свою сознательную жизнь вплоть до минуты, но у Всевышнего было свое мнение на этот счет, он не спешил забирать его к себе – и мина, здорово откинув Габу, погнула взрывной волной пулемет, угостив его парой осколков в ногу.

Аякс помог забраться боевому товарищу в дом и принялся спешно оказывать ему помощь.

«Аякс! Я доктора отправляю? – в эфире снова звучал голос Назара.

– Не надо, мы сами! – ответил Аякс, и тут же через несколько десятков секунд две мины одна за одной легли на открытку между НП Камень и входом в деревню, туда, где как раз должен был бежать доктор, если бы Аякс ответил по-другому.

Назар с доктором, переглянувшись, зябко поежились от осознания и ужаса той ситуации, которая могла сложиться сейчас.

– Как вы? – в дом, где Аякс оказывал помощь Габе, вбежал запыхавшийся Нальчик.

– Слушай, Нальчик, ты всего полчаса как камандыр отделения, а я уже триста! Менеджэр из тибя, канечно, так сэбэ! А чэрэз пару часов что будэт? Мэня вабще убьют? – Габа не унывал и добавлял Нальчику седых волос, продолжая серию шуток на тему его внезапного карьерного роста. На следующий день Габа сбежит из госпиталя с едва начавшими затягиваться ранами и наложенными на них швами, возьмет у доктора перевязочный материал и, хромя, медленно пойдет к своему отделению на позиции.

А духи, потеряв деревню и понеся огромные потери, просто осатанели и начали бить из всего того, что у них имелось, ровняя с землей и деревню, и пути отхода из нее, но уже было поздно. Удача не совсем повернулась к нам задницей, и опомнились они уже после того, как мы вытащили всех раненых и закрепились на новых позициях. Шквал огня лишь подтверждал, что потрепали мы сегодня их изрядно, помимо артиллерии, они устроили карусель из пикапов оснащенных тяжелым вооружением, выезжая тремя машинами одновременно отрабатывали и менялись следующими тремя машинами и так на протяжении четырех часов без остановки, это был настоящий ад, но русские варяги стояли намертво и ни на шаг не отошли с позиций, которые после событий сегодняшнего утра стали для них практически священными, так как были обильно политы кровью боевых братьев, и на этот раз удача тоже улыбнулась нам – сегодня потерь мы больше не понесли.

Кривой

«Циркулярно по отряду – Набат-31!!! Повторяю – Набат-31!!! Я Тортуга! – донеслось из рации, лежавшей на скамье Скотта. В небе появились ударные дроны, активно выискивающие себе цели. Назар с доктором в это время занимались в импровизированном спортзале – стацив оборудование из близлежащих домов, оборудовали себе на позиции настоящий фитнес-центр.

– Серый, слышал? Воздух! Все, сидим, не отвечаем! – сказал доктору Назар. Но отсидеться до конца воздушной тревоги доктору было не суждено.

«Назар Аяксу! Кривой 300 в голову! Дракон до вас докричаться не может! – внезапно раздалось из рации.

– Блядь! Вытаскивайте его на НП Атоса – я доктора туда отправляю! – ответил Назар.

– Куба, у нас 300!!! Собирайся, едем! – прокричал вбежавший в расположение водителю Назара доктор.

Через пару минут они вдвоем уже неслись на огромной скорости на позиции 3-го взвода, которые находились посередине между позициями Назара и позициями Дракона и куда должны были вытащить тяжелораненого Кривого.

Залетев на скорости на позиции Атоса, Куба спрятал машину под ближайшее дерево и вбежал внутрь, а доктор кинулся навстречу парням. Перебежав до НП Камень, он увидел Дракона, Масло, Диаса и Карася, которые несли лежащего в пледе, выполняющем роль импровизированных носилок, без сознания Кривого. Едва бросив на него взгляд, доктор сразу понял, что шансов у Димы, так звали Кривого, нет никаких.

Пообедав, тот заступил на фишку и наблюдал за позициями противника в бинокль через сделанную накануне бойницу – и шальная пуля из ДШК угодила ему точно в правый окуляр бинокля и вынесла ему череп в районе теменной области вместе с частью мозга.

«Назар Кэпу! Я Дока к вам на скорой отправляю, чтоб эвакуировать Кривого! – На микроавтобусе, оборудованном под машину скорой помощи, сделать это было гораздо комфортнее, чем на пикапе.

Доктор помог дотащить Кривого до позиций Атоса и, увидев летящий на большой скорости микроавтобус Дока, замахал ему руками. Быстро загрузив Кривого вовнутрь, они умчались в госпиталь к Отцу.

Кривой был без сознания и редко тяжело дышал по типу Чейна-Стокса. Доктор аккуратно закрыл стерильной салфеткой часть черепа, где не было кости и был виден мозг, – это единственное, что он мог сделать в данной ситуации. Едва закончив, стал расстегивать горку у раненого на шее, чтобы хоть как-то облегчить ему состояние, и в это время Диму вырвало прямо доктору в лицо – обедом, который он съел накануне ранения, с мелкими кусочками чеснока. Доктор едва успел кинуть Доку и его водителю Смеху: «Извините, парни, я больше не могу! – и, резко открыв боковую дверь, на скорости стал блевать на дорогу.

Влетели на пандус приемного отделения и резко затормозили перед входом – и доктор увидел встречающих их Аксона с Отцом, которые сразу же, поздоровавшись на бегу, стали помогать вытаскивать из машины Кривого. Погрузив его на носилки, Отец резко обернулся и показал сложенный из пальцев крест: шансов у Димы действительно не было. Доктор с Доком прыгнули в микроавтобус и, доехав до ближайшего укрытия с воздуха, стали ждать отбоя воздушной тревоги.

«Назар Кэпу! Кривой отъехал в госпитале! – сообщил вышедший на нас тем же вечером командир отряда.

Кривой был родом из Новосибирска, ветеран спецназа ВВ, обладатель крапового берета, он прошел не одну войну и был старичком в компании – два раза брал Пальмиру, поля Шаир, Дэйр-эз-Зор. Он погиб 7 апреля 2020 года.

Рамадан

Начало этого хорошо известного всем священного месяца мы ждали не меньше правоверных. Бои шли уже пятый месяц, все немного подустали и хотели какой-то минимальной передышки и затишья на фронте. Все-таки основой нашей целью было вернуться домой целыми и невредимыми, нет, конечно, принять смерть в бою мы не боялись. Многие из нас уже который год жили в долг, пережив не одно свое второе, третье рождение, и если бы бои шли не в чужой стране, вдалеке от Родины, а на своей земле – мы бы давно уже превратились в 28 панфиловцев, перемолов не одну дивизию противника, навсегда вписав свои имена в историю. Но на данный момент главным приоритетом для нас являлось правило, озвученное Кэпом еще на Каракуме: не только заработать деньги, но и потратить их.

Рано утром доктор проснулся от мощного хлопка разорвавшейся мины, прилетевшей под самое окно комнаты, в которой он спал; вбежавший в комнату Сэм спросил:

– Ты как, нормально?.

– Вроде целый, стекло только прямо на кровать вынесло, но это мелочи! – ответили ему доктор, и тут же мощно ухнула еще пара разрывов, немного перелетев дом, который держало отделение Сэма.

– Так, че-то не нравится мне вся эта херня! Отделение! Полная боевая готовность! Денек, походу, будет веселый! – прокричал на весь дом Сэм.

Все стали спешно экипироваться и готовиться к бою.

– Назар Сэму! Нас духи плотно артой обкладывают! Совсем охуели! – вышел на командира Сэм.

«Вижу! По нам тоже бьют – они весь район обкладывают! Я уже на крыше – птичку поднимаю! Сейчас посмотрим, че они мутят, петушары! – Назар уже был на ногах.

«Назар Кэпу! Как только заметишь движение или откуда по нам арта работает, сразу давай координаты, я у них отобью желание так рано хулиганить! – Кэп уже держал руку на пульсе.

«Шахид Кэпу! Тоже птичку поднимай! – вышел он затем на разведку.

«И вообще всем в готовности быть! – прозвучала в эфире общая команда для всех от командира отряда.

«Кэп, духи подтягиваются!!! – прокричал в рацию командир снайперской группы бригады Вега, который вел наблюдение со снайперской точки, расположившись на верхних этажах полицейской академии.

«Кэп Назару! Тоже наблюдаю! На броневиках пехоту подвозят и в пешем порядке малыми группами идут с нами на сближение! – подтвердил информацию Веги Назар.

«Всем к бою!!! Подпускаем их ближе и ебашим! Смотрите мне, чтоб ни одна тварь не ушла! – приказал Кэп.

Несмотря на то, что этот день для кого-то из нас мог стать последним в его жизни, настроение было на высоте. Нам не надо было ломиться как одержимым вперед, снося все на своем пути, ожидать выстрела из любого окна или бойницы, прилета РПГ, подрыва на mine – теперь добыча сама шла нам в руки. В голове у доктора встал вопрос: «А на что рассчитывали те, кто, не выдержав ни одного нашего штурма, теперь сами вознамерились выбить нас из этого района?» Ответ не заставил долго себя ждать.

«Кэп Русичу! Переводчик сказал, что в Рамадан для них погибнуть в бою большая честь! В рай попадут! Вот они и ломанулись! – сообщил командиру замполит.

«Вот как? Хорошо, сейчас отправим! Без проблем! – Кэп тоже был в отличном настроении.

«Кэп Назару! Духи союзников выбили из их района! Теперь нас жмут! – сообщил Назар.

«Принял! Этим, походу, и на земле хорошо – раз так драпают! У нас никаких привилегий перед смертью нет, так что будем держаться! – иронизировал командир.

Духи, одержав небольшую победу, поверили в себя и полезли туда, где крупными буквами на заборе было написано: «НЕ ВЛЕЗАЙ – УБЬЕТ!», – на позиции русских.

Не знаю, как они представляли себе путь в рай, но в нашем понимании они могли попасть в него только через ад на земле.

«Кэп Вега! Соловей с Аскетом одиннадцать целей отработали – духи дым пустили, вытащить их пытаются! Я сейчас координаты передам, пусть Лейтенант туда отработает! Видимость нулевая – просто наугад простреливаем! – сообщил Вега.

Аскет с Соловьем, занимающие отличные позиции с хорошим обзором, были первоклассными снайперами, поэтому у группы духов, решивших перебежать 50 метров открытого пространства, не имелось никаких шансов. Судя по экипировке и вооружению, это были не рядовые бойцы, поэтому духи, пустив дымовую завесу, бросили серьезные силы, чтоб их вытащить, подлетая на турецких броневиках и бросая тела убитых боевиков внутрь; им удалось быстро вытащить своих двухсотых, и когда дым рассеялся, на асфальте остались только пятна крови и оружие убитых, которое в спешке не удалось забрать.

«Лейтенант Кэпу! Давай по району, куда духи только что зашли, беглым огонь! – вышел на командира минометного взвода отряда Кэп.

«Назар Кэпу! Бери с собой отделение Сэма и выдвигайтесь к НП Дракона. Сейчас Русич возьмет союзников, танк и пойдет район обратно забирать у духов – надо прикрыть его с фланга и усилить! – вышел на Назара Кэп.

«Принял, командир! Сэм Назару! Ты принял информацию?»

– Да, Серега, я принял! Выдвигаемся! – Сэм, с нетерпением ждавший отмашки, повел отделение на крайнюю точку наших позиций, туда, где стояло отделение Дракона.

– Значит, так! Слушайте меня внимательно, мои друзья! Этот район мы для вас отбили у духов, при этом погибли наши товарищи, а вы его так тупо проебали, просто сбежав! Поэтому сейчас идем обратно и выбиваем духов оттуда! И мне по хуй, как вы это будете делать и какие чувства сейчас испытываете! Усекли?! – Русич стоял перед толпой союзников и через переводчика предельно точно излагал им предстоящую задачу.

Духи тем временем подошли совсем близко и активно прощупывали нашу оборону, пытаясь найти слабые места, но им катастрофически не везло: таковых не было. И, каждый раз крепко получая по зубам, они откатывались назад, неся огромные потери.

Отделения Нальчика и Дракона уже более получаса вели интенсивный бой, физически сокращая количество желающих прорвать оборону. И подтверждая русскую народную примету: в праздники лучше не работать, а тем более в церковные.

Едва выдвинувшись вперед, отделение Сэма вошло в контакт с противником, занявшим дом напротив НП Дракона. Судя по крикам, духов там собралось прилично. Завязавшую короткую перестрелку оборвал мощнейший взрыв в доме, занимаемом бородачами, воинственные крики сменились дикими визгами и мольбами о пощаде. В панике выбежавшие со двора прямо на улицу двое духов тут же были отработаны снайперами и добиты бойцами Назара. У одного из них на голове была камера гоу-про, прикрепленная к шлему и фиксировавшая все происходящее этим утром, судя по всему, духи намеревались снять крутой боевик, но, как всегда, получилась драма. Буквально через считанные дни этот ролик разойдется по интернету и наберет в Ютубе более 8 миллионов просмотров; кто его туда слил – так и останется загадкой.

Зачистив дом, отделение Сэма обнаружило в нем около десятка убитых духов, сильно покалеченных взрывом. Добив раненых, они продолжили зачистку деревни и вместе с союзниками, приободренными победой и наличием танка с несменяемым отмороженным русским впереди, отбили район обратно.

«Сэм, вы пока здесь закрепляетесь! Я к Кэпу, докладывать обстановку и видео с камеры заодно передам! – поставил задачу Сэму Назар.

Отсмотрев то, что успели запечатлеть духи, мы поняли причину их столь глупого упорства. Этим утром нас пыталась атаковать недавно прибывшая из сирийской провинции Идлиб делегация представителей Хият-Тахрир Ашам – в прошлом небезызвестной Ан-Нусры, которых турецкие инструкторы использовали втемную – бросив на наши хорошо укрепленные позиции. Это была так называемая обкатка. И обкатали мы их по полной – только нам лично удалось собрать 52 «двухсотых» противника.

Обнаружив добротную кожаную сумку в доме, которую накануне подкинуло все то же отделение Сэма с Русичем, духи едва не передрались из-за нее и, наконец, договорившись поровну разделить найденные трофеи, собрались вчетвером вокруг и стали разбирать находившееся внутри военное снаряжение. Мощный взрыв раскидал всех четверых, разделив поровну между ними главный трофей, который был уготован им отрядным сапером Жорой в этой сумке, – смерть. Несколько килограммов взрывчатки с поражающими элементами не оставили шансов никому из них и серьезно ранили окружающих их любопытных товарищей.

Жора в своей теме был специалистом экстра-класса, и счет подорванной техники и личного состава противника на установленных им как штатных минах, так и самодельных взрывных устройствах давно уже дошел до приличной цифры. Он был родом из Пскова. За штурм Триполи Кэп ему закрыл медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени – что невероятно возмутило Жору, и все последующие командировки он при каждом удобном случае ворчал и выговаривал командиру, что его ролик миллионы человек посмотрели по всему миру, а ему медаль как у Пугачевой закрыли. Благо Жоре было лень гуглить более точную информацию, иначе он бы узнал, что Пугачева награждена целым орденом, а не медалью, – это добило бы его окончательно.

Выход

«Внимание, циркулярно, командирам взводов срочно прибыть в штаб! Повторяю! Командирам взводов срочно прибыть в штаб! Я Тортуга! – нарушила тишину долго молчавшая до этого рация.

– Ооо, парни, готовьтесь, походу, скоро штурм! – оживился Сэм.

Но вернувшийся с совещания мрачнее тучи Назар как будто ведро ледяной воды опрокинул на наши головы:

– Парни, сегодня ночью уходим!

– В смысле, Серега? Как уходим блядь? Куда? – Сэм, как и все мы, был ошарашен этой новостью.

– Вообще уходим! Сам в ахуе... Столько парней положить – и все это взять и вот так вот оставить! – ответил Назар.

На подготовку к отходу у нас было чуть меньше 12 часов, столь масштабной операции в конторе еще не видели – за такой катастрофически короткий срок необходимо было свернуть госпиталь, бригадную арту, тыловые базы, вывести штурмовые отряды с позиций, свернуть систему ПВО и под прикрытием «Панцирей», равномерно распределенных каждый по своей зоне ответственности, закрывая нам небо, отойти на окраину пригорода Триполи и ждать дальнейших указаний.

Понимая, что столь массовое мероприятие будет практически невозможно скрыть от духовской разведки, Кэп, как и большинство командиров отрядов, принял одно из немногих единственно верных решений для данной ситуации – имитировать мощнейший накат на позиции духов. На подготовку ушло меньше часа, нами давно уже были выявлены и взяты на карандаш все вражеские позиции, их ближайшие тыловые базы, пути отхода и эвакуации, и сейчас их время пришло, духов ждал один из самых неприятных сюрпризов за все время нашего тесного знакомства.

Ровно в 15.00 23 мая 2020 года земля содрогнулась от мощных залпов и разрывов, которые слились в одно целое: весь многокилометровый фронт внезапно ожил и пришел в движение. В духов летело все, что только можно, начиная от РПГ, АГСов, «Утесов», ДШК и заканчивая артой и танковыми снарядами, все то, что мы не могли забрать с собой.

Саперы в это время минировали все, что только можно было заминировать: каждую тропинку, проход в доме, заборе – в общем, любой вариант подхода к нашим позициям и захода на них, а также все то, что могло представлять хоть малейший интерес для человека на войне, начиная от брошенного БК и трофейных стволов и заканчивая холодильниками, доверху набитыми едой, плазменными телевизорами, брошенными на видных местах ценными трофеями. О результатах их работы мы узнали еще при отходе с позиций по резким хлопкам, вызывающим у нас приступы злорадного смеха. И через пару месяцев – после заседания Совета безопасности ООН, на котором были объявлены официальные данные, гласившие что при разминировании наших позиций в Триполи погибли 59 (!) профессиональных натовских саперов из сводной саперной группы.

После мощнейшего огневого налета на духовские позиции мы перенесли удар в их тыловые районы, ровняя с землей пути эвакуации, ставшие для них теперь в буквальном смысле «дорогой жизни».

К вечеру, когда все стихло, со стороны противника еще долго не было ответки, то ли потери были слишком высокие – и духи зализывали раны, то ли они ломали голову над нашим хитроумным планом, но, как известно, идеальных сценариев не бывает, и омут мы взбаламутили очень сильно. В панике от невиданного раньше наступления со стороны русских, которое почему-то так и не состоялось, духи подтянули все мыслимые и немыслимые резервы, которые

только у них были, но пойти в контратаку все еще не решались, прекрасно помня, чем закончились все их предыдущие попытки штурмов, и сейчас просто сидели в готовности.

Как только стемнело, мы погрузились в пикапы, подожгли огнепроводный шнур длиной в несколько метров, который должен был дойти до капсюль-детонатора и инициировать подрыв остатков БК и пластита, сложенных в одну большую кучу по центру нашей базы, и выдвинулись в направлении к отрядной тыловой базе.

Мы молча смотрели на ночной город, ставший нам за это время уже родным, на горящие базы взводов с рвущимися остатками БК, улицы, где каждый дом был знаком до боли, и думали каждый о своем – мы уходили, уходили навсегда.

«БАХ!!! – мощнейший взрыв буквально поднял на воздух, а затем сложил трехэтажный особняк, служивший нам домом последние пару месяцев. «Все, пиздец! – коротко подвел итог сегодняшнего вечера Назар.

До нашего слуха стали доноситься звуки разгорающихся ожесточенных боев между союзниками и духами, которые все-таки сообразили, что происходит и что на позициях больше нет этих отмороженных на всю голову русских, и пошли в атаку. Оставшиеся без такой серьезной поддержки сторонники Хафтара смогли продержаться не больше получаса, а на отдельных участках и того меньше, и фронт стремительно посыпался. Единственное, что пока давало нам фору и шансы на благополучный отход, – минные заграждения и сюрпризы, поставленные саперами.

На Бухте, так называлась тыловая база отряда, был полнейший хаос, больше напоминавший встречу выпускников 10 лет спустя. Весь отряд в одном месте не собирался уже больше полугода, и нам было что обсудить друг с другом. На какой-то момент все расслабились и поддались иллюзии того, что мы находимся в тылу, хотя тыл на этой войне был понятием крайне условным. Два прилета 152-мм снарядов вернули нас в реальность и заодно подожгли нам пару трофейных автомобилей и склад со справедливо награбленным имуществом, местом, куда все складывали свои личные трофеи, найденные в отбитых у духов домах.

Увидев горящий склад с мародеркой, доктор с отчаянным криком «БЛЯЯЯЯДЬ!!!» кинулся в самую гущу разгорающегося пламени, но был вовремя схвачен под руки Васей Путем, впрочем, три шкуры леопарда все равно уже было не спасти.

– Всем внимание!!! По машинам, ОТХОД!!! Танки и другая тяжелая техника идут в голове, всем, блядь, предельное внимание и готовность с колес вступить в бой!!! С БОГОМ, ПАРНИ!!! – Кэп стоял на командирском пикапе и зачитывал боевой приказ, надрывая головные связки, в 100 километрах от нас сводная штурмовая группа 6 ШО стояла насмерть, из всех сил удерживая аэропорт Бени-Валида, и уже несла потери, не давая духам замкнуть котел и взять в кольцо всю нашу группировку, но тогда мы этого не знали.

Это и стало одной из причин вывода наших сил из Триполи. Пока мы рвались к центру города, сминая на своем пути опорники духов, как бы хорошо они ни были укреплены, далеко в тылу за нашими спинами, где-то в результате трусости, где-то предательства, нас потихоньку отрезали от внешнего мира, поэтому оставаться там было себе дороже.

Собранная в одно целое бригада представляла собой грандиозное зрелище – колонна длиной более чем 12 км растянулась на весь горизонт и шла со скоростью 20–25 км в час – быстрее идти было нельзя, поскольку «Панцири» были развернуты в боевое положение, держа небо под контролем. Марш предстоял серьезный – больше тысячи километров до авиабазы Джофра через пустыню Сахара.

Внезапно колонна резко остановилась. До этого мирно спавший на вещах Чомба повернулся к доктору и спросил: «Че случилось, брат?», это был, скорее всего, вопрос во вселенную, и вселенная не заставила себя ждать с ответом. Повернув голову в центр колонны, доктор увидел, как «Панцирь» стал разворачиваться в боевое положение, поднимая ракетные шахты в небо. Резко повернув колесико рации, включив ее (батарею на рации сэкономили как могли),

все услышали крик Кэпа: «Все от колонны, бегом!!! – и больше 300 человек моментально разбежались в разные стороны. Два ударных дрона подошли слишком близко и активно прошу-пывали противовоздушную оборону, пытаясь найти в ней брешь, чтоб зайти и уничтожить нас, но в этот раз нам повезло.

Чуть позже, когда нас догнала небольшая колонна союзников, мы предложили им встроиться к нам, показывая им на небо и на «Панцири», но они только отмахнулись и, показывая на часы, рванули вперед, стремительно удаляясь на горизонте. Когда через пару часов мы их догнали, они лежали в кювете и уже догорали: пустыня ошибок не прощает.

Доктор сидел справа от водителя на переднем сиденье и держался из последних сил, чтоб не уснуть: надо было страховать Лакца, который уже вторые сутки был за рулем, тоже на пределе и в любую минуту мог вырубиться. Позволив мозгу отключиться всего на мгновение, доктор тут же стал ронять голову на грудь и, уже вырубаясь, увидел краем глаза, как машина резко свернула с дороги и стала уходить в кювет. Кое-как пробудившись ото сна, он толкнул Лакца в бок, и тот, очнувшись, едва вырулил. Подобные случаи в колонне уже стали закономерностью, и нужно было срочно искать место для ночлега.

Руслан, так звали Лакца, был родом из Дагестана и выбрал себе позывной, который отождествлял наименование его народа. Он пришел в контору с началом Сирийской кампании и прошел практически все боевые командировки. Спустя несколько лет, 10 января 2023 года, он погибнет. Его отделение зажмут в частном секторе Бахмута, и он останется прикрывать отход раненых товарищей. Получив несколько тяжелых ранений, он подорвет себя гранатой, чтобы не попасть в плен. Кардашов Руслан Багдадиевич...

Остановившись на ночевку на овощной ферме в ангаре, нас собрал Назар и объявил:

– Ну что, парни, все поняли, что происходит? Мы домой идем, война для нас закончилась!

Кто-то принял эту новость с облегчением, кто-то с грустью, навсегда оставив в Ливии частичку себя, но в целом мы были рады близкой встрече с домом.

– Значит, так: следующие 150 километров нам надо пройти через территорию, которую контролируют бедуины, поэтому ни с кем в дискуссии не вступать, не конфликтовать, вести себя скромно! – довел нам оперативную информацию Кэп, чем вызвал всеобщий приступ безудержного смеха.

– Че вы ржете, дебилы, у них «грады» есть и арта ствольная! – сказал Кэп, и юмора в наших рядах значительно поубавилось: бедуины были уже не те, что раньше.

Наконец добравшись до Джофры, мы разместились в одном огромном ангаре и стали готовиться к убытию в Россию.

Джофра была построена в 1969 году советскими инженерами по последнему слову техники, именно отсюда полгода назад мы выдвигались маршем до Триполи.

Доктор стоял и смотрел на надпись в техническом здании «Севастополь 1979» и размышлял о связи поколений – такие надписи на русском здесь были не редкостью.

– О чем думаете, коллега? – спросил внезапно появившийся за спиной у доктора Скорый. Эта командировка выдалась для Сереги крайне непростой – в начале января, через пару дней после печально известного штурма 2 января 2020 года, Скорый, находясь на посту, во время наблюдения со второго этажа здания внезапно заметил скрытно подошедшую к нашим позициям группу противника – и его тоже заметили. Старший духовского головняка вскинул ствол и выстрелил ему в грудь, но интеллигентный худошавый очкарик Скорый уже даже по меркам конторы был матерым волком – за его спиной были поля Шаир, Дэйр-эз-Зор и отсутствие всяких моральных принципов на тему цены человеческой жизни, поэтому Серега не растерялся и одновременно выстрелил в ответ. Эта смертельная дуэль с расстояния 15 метров завершилась со счетом 1:0 в нашу пользу – дух отправился на свой последний суд ко Всевышнему, а Серега со слепым огнестрельным пулевым ранением левого предплечья – в госпиталь к Отцу.

Пуля прошла от начала предплечья через всю его длину и остановилась возле самого локтя, только каким-то чудом не пробив кость навывлет и не ударив в сердце: Скорый, державший в это время левой рукой автомат за цевье, имел все шансы отправиться вслед за духом, но наверху, видимо, решили, что его жизненный путь еще не завершен, и не стали забирать к себе.

По прибытии в госпиталь Скорый слезно просил оперирующего его медика бригады Аксона сделать полученный факт ранения максимально незаметным постороннему взгляду: «Аксон, у меня родители врачи, они поймут, что меня ранило!» Медицинское братство было в конторе в разы сильнее, чем где-либо, и Отец с Аксоном постарались максимально атравматично провести оперативное вмешательство переживающему за нервы родителей Скорому. Впрочем, как оказалось, старались они зря.

Через пару месяцев взводник Скорого Бетон отправил его вместе с Хорватом встретить и завести к ним на позиции Мальца. При перебегании участка от НП Камень до Северной деревни, который находился под постоянным наблюдением со стороны 5-этажек и часто простреливался, парни услышали громкий шелчок, сильно похожий на одиночный выстрел, и не сообразили, что это был отстрел чеки гранаты Ф-1, поставленной на растяжку в проходе между стенами забора, забежав за угол которого, Скорый с Хорватом инстинктивно пригнулись и присели, решив сориентироваться и немного переждать, подумав, что по ним работает снайпер. Сильный взрыв откинул их на пару метров, тяжело ранив обоих. Хорвату, стоявшему ближе и немного закрывшему своим телом Скорого, досталось гораздо сильнее – прибежавшие на место подрыва парни увидели, как окровавленный Скорый реанимировал лежащего на земле Хорвата: даже истекая кровью, Серега в первую очередь думал о своем ближнем и о профессиональном долге. Примеров русской народной поговорки «Сам погибай, а товарища выручай» в конторе только за одну командировку можно было увидеть не один десяток.

Когда их эвакуировали на Пилюлю, так назывался наш бригадный госпиталь, встречающий машину отрядной скорой помощи Аксон только всплеснул руками и выдал: «Ну пиздец! И на хера мы с твоей рукой столько ебались?! – подколоть товарища на войне было святым.

Хорвата при первой же возможности эвакуировали на Россию, а Скорого прооперировали, удалив как можно больше осколков, и оставили – медики по-прежнему были на вес золота. Отец хотел его перевести в медгруппу бригады, чтоб он помогал при госпитале: на передовой от Скорого толку было теперь мало, он еле ходил, хромая, не мог сидеть, а только лежать – и то на правом боку, но отдавать из отряда старого проверенного бойца, тем более специалиста и тем более медика, никто даже и не думал. Кэп лично приехал за ним на госпиталь и со словами: «Извини, Отец, такая корова нужна самому! – забрал Серегу обратно в отряд.

Через пару месяцев Отец погибнет...

В бригадном госпитале, уже на Сирте, его взорвет сошедший с ума врач медгруппы бригады – Шов. Самовлюбленный человек с нездоровыми амбициями, не успев закончить свою первую командировку, пожелал во что бы то ни стало занять место Отца и стать начмедом бригады. Написав в Питер огромное количество жалоб, которые не привели к желаемому им результату, Шов решил взять судьбу в свои руки, закатив спящему в своей комнате Отцу две гранаты. Тот скончался под утро, не приходя в сознание, а Шов действительно, как и желал, круто изменил свою судьбу – через пару дней попав в засаду всего в 100 метрах от базы в глубоком тылу – случайность, и ничего более. Новым начмедом бригады стал Аксон.

Теперь после пережитых испытаний Скорый стоял и беседовал с доктором, вот-вот должен был прийти борт из России, который заберет тех, кому отпуск был положен в первую очередь: уезжающих по семейным обстоятельствам, имеющих уже нереально огромные сроки командировки и таких, как Скорый, по состоянию здоровья. Они виделись в последний раз: Скорый завяжет с конторой и вернется на родную подстанцию в одной из станиц Краснодарского края, впереди у него еще будет 4 операции и долгий процесс восстановления.

– Внимание! Всем убывающим в отпуск построиться с вещами перед ангаром! – довел информацию Русич, чем вызвал бурю радостных эмоций в наших рядах.

Мы смотрели на наших товарищей, улетающих в отпуск, и радовались за них. В Ливии было хорошо, но Родина есть Родина, и каждый мечтал как можно скорее очутиться в родных краях.

– Аптечка, смотри, что с тобой будет, если ты мне дома не позвонишь! – Аякс протянул доктору написанный на клочке картона домашний номер, смеясь, разорвал руками железную банку из-под спрайта и, бросив ее на землю, принялся топтать ногой; они очень сильно сдружились с доктором за это время – и связь терять не хотели.

– Все, по машинам! – скомандовал Русич, и парни, обнявшись с нами, отправились на взлетку.

– Короче, слушайте меня сюда внимательно, там, наверху, че-то переиграли. В течение пары дней все выдвигаемся на Сирт и становимся там в глухую оборону, будем этот город держать! – довел нам на совещании взвода информацию Назар. Встреча с домом откладывалась на неопределенный срок.

Сирт был знаковым городом в истории Ливии, и особенно в этом конфликте, для обеих сторон – он являлся родиной Каддафи и местом, где его после 42 лет правления страной убили.

Часть бойцов было решено перебросить транспортными самолетами и вертушками, а часть должна была маршем дойти с техникой и имуществом отряда. Доктор попал в первую группу и уже больше суток лежал на кровати в казарме военной базы неподалеку от Сирта, читал электронную книгу и, как и все, ждал прибытия колонны – мы уже знали, что наши где-то на подходе, но не успели они доехать до базы, как в казарму буквально влетел Кэп и, крича так, что его было слышно с 3 этажа до самого низа, скомандовал нам: «К БОЮ!!!»

Как оказалось, Сирт был интересен не только нам; окрыленные успехом и высвободившие огромные силы, которые ранее были скованы в обороне Триполи, духи рвались к нему, снося на своем пути немногочисленные блокпосты союзников. Их почти ничего не останавливало, и теперь то, кто первый займет Сирт, решало только время – счет шел уже на минуты. Дождавшись колонны, подъехавшей к базе меньше чем через 10 минут, мы с ходу погрузились на технику и рванули к Сирту, на окраинах которого уже шли тяжелые бои – наемники из Чада и остатки союзников сдерживали натиск противника, но силы у них были уже на исходе.

Залетев на максимально возможной скорости в центр города, мы едва не столкнулись с колонной, которая не уступала по количеству техники нашей и шла нам навстречу; кое-как разминувшись с ними на малой скорости, мы молча смотрели в лица друг другу практически с расстояния в полтора метра.

«Русич Кэпу! Это че, союзники, что ли?! – вышел на замполита командир отряда.

«Бля, походу! – ответил Русич.

«А какого хуя они тогда в обратную сторону убывают?! Мы, как всегда, одни воевать будем, что ли?! – возмущался Кэп.

Для этой войны, как, впрочем, и для Сирийской, подобное было практически обычной ситуацией, с союзниками нам никогда не везло.

В конторе даже пересказывали историю о том, что когда Девятому доложили о многочисленных случаях гомосексуальных контактов между бойцами сирийской армии, он глубоко задумался и задался вслух вопросом: «А за тех ли мы воюем?»

К счастью, бойцы армии Хафтара были равнодушны к анальным отверстиям друг друга, но в бою очень часто вели себя как последние пидорасы, из-за чего мы нередко оказывались с проебанными флангами и в окружении – как в недавнем случае с Триполи.

Но в этот раз мы ошиблись, колонна свернула вправо и ушла на нефтеперерабатывающий завод, с которого нас потом от души поливали свинцом: только тогда мы поняли, что встретились лицом к лицу с нашими оппонентами.

Доехав до окраины Сирта, наш штурмовой отряд стал разворачиваться в боевой порядок и растягиваться по фронту, занимая оборону. Звуки боя были уже очень близко, и, судя по плотности огня, там был настоящий ад, который довольно-таки быстро приближался к нам.

Доктор с Назаром, Мальцом и Метаном вместе с разведзвездом заняли оборону возле мечети, стоящей на перекрестке перед нефтеперерабатывающим заводом. Едва успев закрепиться, они увидели несколько пикапов с установками крупнокалиберных пулеметов, идущих навстречу с мигающими аварийными огнями и на предельно малой скорости, точнее, то, что от них осталось: пикапы шли на ободах колес и больше были похожи на решето, кузов первого пикапа был доверху набит трупами, а установка пулемета второго была вся сплошь покрыта кровью, которая медленно стекала с нее, капая на железное дно кузова.

Наемники из Чада, которым платили просто смешные деньги – 100\$ в месяц, совершили настоящий подвиг и ценой собственных жизней смогли продержаться до подхода помощи, не пропустив колонну духов в сам город, задержав их и связав боями на ближних подступах. Теперь они передали эстафету нам.

Духов было настолько много, что когда, наблюдая с запущенного беспилотника, командир батареи Д-30 Че Гевара увидел черное пятно гигантских размеров, он долго не мог понять, что это такое, и доложил наверх руководству, на что получил четкий ответ от Девятого: «Да уеби туда раз – ща посмотрим, че это за хуйня! – 122-мм снаряд, пролетев со свистом, угодил в самую гущу черного пятна, от которого полетели вверх и в разные стороны куски непонятно чего, и только замедлив видео на повторе до максимума, Че Гевара увидел, что это были человеческие конечности!

Черное пятно теперь больше было похоже на огромный встревоженный муравейник и стремительно расплзалось в разные стороны – это были пикапы с пулеметами и десантом духовской пехоты.

«Батарея! Беглым! Огонь!!! – заорал Че Гевара, и воздух наполнился разрывами гаубиц. Когда все закончилось, сделав стоп-кадр, Че принялся подсчитывать количество пикапов – и через минут 40 напряженного подсчета дойдя до невероятной цифры в 450 машин, психанул и, произнеся сакральную фразу: «Да пошло оно все на хуй!», отправился спать. В тот день его батарея дала просто невероятный результат – счет убитых шел на тысячи.

Мы стояли в обороне, смотрели на завод и ждали команды «Штурм – то, что он будет, сомнений ни у кого не вызывало.

Бегающий туда-сюда без брони и каски начальник инженерной службы Рудик привлек внимание доктора и Назара; когда пару месяцев назад он приезжал к ним на позиции по своей работе – Руд сидел в полной боевой, не снимая каски и броника, и ждал, когда за ним придет пикап из штаба, а ходящие вокруг него в одних шортах и с чашками чая в руках доктор и Назар подшучивали над его чрезвычайными мерами собственной безопасности.

Нет, конечно, Руд не был трусом: его боевой путь начался еще задолго до конторы, первое свое тяжелое ранение он получил во время знаменитой засады на колонну наших войск под Ярыш-Марды, которой руководил сам Хаттаб; когда бой стих и духи ходили добивали наших раненых бойцов – Рудик с перебитыми ногами прополз по руслу арыка и скатился в кювет, чем сохранил себе жизнь.

Второе тяжелое ранение он получил на первой Пальмире – ему в плечо прилетела 12,7-мм пуля, выпущенная из духовского ДШК, практически ничего не оставив от плечевого сустава, но в российском военном госпитале врачи сотворили настоящее чудо и сохранили ему руку, заменив плечевой сустав стальным протезом; пик популярности фильма «Мортал Комбат» пришелся на время молодости поколения таких парней, как Рудик, тогда о настоящей железной руке он мог только мечтать, но в компании мечты часто становились реальностью!

После случая на Молькино, когда подтягивающегося на турнике без футболки Руда заметили три первохода и, поинтересовавшись у него историей приобретения столь занятного арте-

факта, забрали документы и уехали обратно домой, Кэп категорически запретил ему раздеваться по пояс.

– Руд, ты какого хера бегаешь туда-сюда?! Сядь с нами и не отсвечивай! – с завода нас постоянно поливали свинцом, и доктор на эмоциях сделал замечание Руду, переживая за него.

– Да бля, парни, минировал подходы к нам ходил, а в броне неудобно: зацепишься чем-то за растяжку – и полетел на своей же! – объяснил нам Рудик.

– Все поставил? Одевайся и сиди теперь на заднице ровно! – сказал ему Назар.

– Сейчас, крайний раз проверю быстренько! – ответил Руд и ушел в сторону мечети.

На улице уже почти стемнело.

«Тортуга Мальцу! Шо там с небом? – запрашивал обстановку с воздухом Малец.

«Двор чистый! – ответили связисты отряда; это означало, что небо находилось под полным контролем нашей ПВО и в нем не было вражеских объектов.

«Шууууууух!!! Шуууууууухххх!!! – не прошло и минуты, как Руд отошел от нас, и мы внезапно услышали подлетные звуки двух ракет и раздавшиеся сразу после них два резких хлопка.

– Ай, блядь!!! – вскрикнул кто-то с болью в голосе и упал на асфальт, звонко ударив по нему своим автоматом.

«Тортуга, Тортуга!!! Нас артой ебашат!!! – упал в «Тигр» и заорал в стационарную рацию Малец.

Доктор, сидевший в проеме небольшого окна ангара, в котором стоял «Тигр», упал внутрь и краем глаза увидел падающих за бронированный автомобиль Назара с Метаном; тут же следом их всех обдало волной горячего воздуха – и где-то совсем рядом со звоном начали сыпаться осколки.

Вскочив на ноги, доктор посмотрел на Мальца и сказал: «Хоть бы не наши!». Покидать какое-никакое укрытие совсем не хотелось, рядом с разведкой расположилась группа союзников – и вытаскивать их из-под огня, рискуя жизнью на 9-м месяце командировки, в очередной раз испытывая судьбу, доктору совершенно не хотелось, поэтому он питал маленькую надежду на то, что никого из наших не зацепило. Но он ошибся.

– Доктора, доктора, блядь!!! – заорал командир разведки Ткач с той стороны, куда только что ушел Рудик.

Это была не арта. Ударный дрон зашел со стороны моря и отработал по нам двумя ракетами – одна попала в союзников, которые сбились в одну кучу между двумя пикапами и раздвигали барана себе на ужин, а вторая прилетела прямо под ноги нашим ПТУРистам, которые стояли полукругом, что-то обсуждая, и до которых всего пару метров не дошел Рудик.

Союзники моментально потеряли 10 человек убитыми, а мы – троих своих товарищей. Тяжелораненый Руд был на волоске от смерти – он лежал на асфальте, смотрел на звезды ночного неба и тяжело дышал. Это его крики и звон падающего автомата мы услышали после взрыва.

Доктор накинуд на себя броник, перекинул через плечо медицинскую сумку, взяв в правую руку автомат, посмотрел на него и бросил на бетонный пол ангара со словами: «Прощайте, парни!». Посмотрел на Мальца, который тут же отвел взгляд в сторону – он прекрасно понимал, что шансов у доктора почти не было% от ударника еще никто не убегал, тем более с раненым товарищем на руках.

– Не каркай, блядь!!! – сказал ему со спины Назар.

– Че не каркай-то – это пиздец! – ответил ему доктор и, бросив на ходу: «С богом!», побежал к месту прилета.

Перебежав от одной пальмы к другой, ветви которых давали хоть какое-то прикрытие с воздуха, доктор вышел на открытку и короткими перебежками стал приближаться к темному силуэту, лежащему на асфальте. Парни из группы БПЛА как-то рассказывали, что разрешение

камеры на турецком «Байрактаре» такое, что на максимальном приближении можно рассмотреть даже поры на коже лица; мы не знали, насколько правдива эта информация, но то, что камера там отменная, убеждались уже не раз.

Жизнь тяжелораненого Рудика и доктора сейчас зависела от оператора этой машины смерти, который сидел за несколько сотен километров в гораздо более комфортабельных условиях, в удобном кресле, закинув ногу на ногу, смотрел на огромный монитор, допивал свой капучино или латте на миндальном молоке и прикидывал в уме – стоит ли жизнь этих двух людей 100000\$. Именно таковой, по слухам, была стоимость одной ракеты.

Подбежав к Рудiku, доктор опустился перед ним на одно колено, бегло осмотрел его и спросил: «Живой?»

– Живой... – слабым, еле слышным голосом ответил Рудик.

– Туда, я так понимаю, нет смысла идти? – спросил у него доктор, глядя на парней из расчета ПТУРА, которые лежали в неестественных позах.

– Нет, нету, там без шансов... – с трудом выговорил Рудик.

– Ну, тогда валим отсюда! – решил доктор и, аккуратно подхватив Руда под мышки, потащил его к мечети.

На ее крыльце стояла часть разведвзвода и порывалась в случае выхода ситуации из-под контроля бежать на помощь доктору – в разведке все парни были опытные и прекрасно понимали, что если еще хоть один человек подбежит к доктору и Рудiku, групповая цель станет еще более заманчивой для оператора дрона – и шансы словить третью ракету многократно вырастут.

Еще в начале Ливийской кампании в 6-м отряде тяжело ранило командира отделения, к которому на выручку тут же рванули все его бойцы – и погибли, попав под удар второй ракеты. Поэтому спешка здесь была не нужна.

– Сам, парни, сам!!! – заорал доктор, нервы уже были на пределе.

Штатный сапер из разведвзвода Рик не выдержал и, подбежав к доктору, стал помогать ему тащить Руда. Они были не только коллегами, но и близкими друзьями, поэтому Рик поддавался эмоциям и бросился на помощь.

Дотащив с Риком Рудика до середины пути к укрытию, доктор краем глаза заметил, что пожар на позициях ПТУРистов, образовавшийся после прилета, стал разгораться с новой силой. Бросив туда взгляд, он увидел, что это начал гореть БК для ПТУРа – ракеты с термобарическим зарядом. Взорвись бы они в тот момент – и все трое могли сгореть заживо. Нервы у доктора начали сдавать и он закричал: «Парни, помогите!!!» Выбежавшие из мечети два разведчика, Кикер с Бодричем, перехватили у них Рудика и затащили его в мечеть.

Забежав внутрь, доктор принялся осматривать Руда, которому досталось по полной: осколком ему перебило здоровую руку, сломав плечевую кость и повредив артерию, при падении он сильно разбил голову, два осколочных проникающих ранения в грудь, множественные осколочные ранения живота и еще по мелочи...

Доктор наложил жгут на руку, затем обезболил его и стал оказывать дальнейшую необходимую помощь. Через пару месяцев в отпуске, когда они вышли на контакт с друг другом, Рудик прислал доктору в Телеграме свой выписной эпикриз, диагноз на котором занимал полторы страницы листа формата А4 – Руд был невероятно живуч.

Через пару лет он погибнет. Это случится в Мали. В ноябре 2023 года в колонну не так давно созданного 13-го штурмового отряда, идущую на штурм Кидаля, на полном ходу влетит «шахидка» со смертником, полторы тонны тротила не оставят железному Руду никаких шансов. Командовал отрядом Русич.

«Кэп Мальцу! У нас 3 – «200 и один 300 тяжелый! – вышел на штаб Малец.

«Блядь, да как так-то!!! – взорвался Кэп.

«Ударник отработал! Расчет Кунгура весь погиб! – доложил Малец.

«Малец Монголу! Это какая-то ошибка – Кунгур у меня на позициях со своим расчетом стоит, с ним все в порядке! – вышел в эфир командир первого взвода Монгол, и доктора пронзила страшная догадка.

Он знал Джуса еще задолго до прихода в компанию, по войне на Донбассе. Женя был хоть и худощавый, но очень жилистый, небольшого роста, бывший шахтер из Свердловска – он всю командировку проходил старшим головного дозора во взводе у Бетона.

Уже после выхода из Триполи, когда они с доктором беседовали на Джофре, тот признался ему, что уже не вывозит – и решил перевестись в более спокойное подразделение: «Док, убьют, чувствую, убьют! Я заебался в этом головняке ходить – в каждую задницу пихают! – В чем-то он был прав – головняк долго не жил, и за командировку мог полностью обновиться не один раз.

«Женя, ты заебал, не суетись, все, война закончилась, мы домой идем! – успокаивал его доктор.

А на следующий день он все-таки перевелся во взвод огневой поддержки, в расчет Ангрона (многим больше известного в конторе как Ворон), чувствовал приближение смерти, но обмануть ее не смог.

Ставший в оборону с нами расчет Кунгура не был оснащен тепловизором, и, поскольку дело близилось к ночи, его решили заменить, произошло это все за 40 минут до трагедии.

Вот-вот должна была подъехать группа эвакуации и забрать парней, поэтому разведчики пошли вытаскивать двухсотых: Ангрона затащили с центрального входа – его тело настолько сильно было побито стальными шариками, которые представляли собой основной поражающий элемент ракеты, что на нем не было живого места; только чудом уцелевшее лицо смотрело куда-то вверх застывшим взглядом. Оно не выражало ни испуга, ни удивления – все произошло настолько быстро, что парни даже ничего не поняли.

Доктор подошел к нему, опустился на колени и, закрыв ему глаза, констатировал смерть. Собравшиеся вокруг разведчики со скорбью смотрели на погибшего товарища – Ангрон проработал не один год в конторе, и многие его знали и уважали.

Джуса затащивали с бокового входа, точнее, то, что от него осталось. Жене оторвало половину туловища, поэтому и без того небольшое тело теперь выглядело совсем как детское. Он был новеньким в отряде, его мало кто знал, поэтому на всякий случай доктор достал из сумки синий маркер и написал на его груди: «Сильвестр – именно такой позывной ему дали в конторе.

Его лицо тоже не выражало никаких эмоций – парни просто застыли.

Как только подъехали две машины эвакуации, доктор попрощался с Джусом, обняв его, и пошел помогать укладывать на носилки Рудика.

Рокота грузили уже непосредственно в скорую – ему оторвало руку и ногу, он тоже погиб моментально.

«ГДЕ ЭТИ ПИДОРЫ???!! – Кэп был вне себя от ярости и стрелял из своего 17-го «глока» в воздух и под ноги выбежавшим его успокаивать сотрудникам из руководства бригады. Он требовал отдать ему расчет «Панциря», который должен был закрывать нам небо.

Да, зашедший со стороны моря ударник просто проебали. Ценой этой ошибки стали жизни 13 человек на нашей позиции, сожженный в километре от нас броневедомитель с пехотой внутри и пикап с установкой: 4 ракеты – 4 цели.

«Тортуга Чепче!!! Сейчас по духам «Ураган» будет работать – приказ Девятого! Ответка за пацанов!!! – вышел на отрядную волну начальник артиллерии бригады.

БК на РСЗО был в огромном дефиците, его берегли на крайний случай – и вот он настал. Буквально сразу же земля содрогнулась от мощных залпов 220-мм орудия – и меньше чем через минуту на позициях духов стало светло как днем.

Кое-как устроившись на ночлег в мечети, доктор долго не мог уснуть. Сказывалось нервное напряжение, впрочем, ворочались все. Едва прикрыв глаза и погрузившись в поверхностный сон, доктор услышал в рации крики Мальца: «Доктора, доктора сюда давайте!!! Быстрее!!!»

Весь разведзвод мгновенно подрывался по полной боевой, хотя никто не мог понять, что случилось: никаких звуков взрывов, свистящих пуль и прочего не было – остаток ночи после случившегося прошел в полной тишине.

Выбежав наружу, доктор увидел стоящий возле Мальца с Назаром пикап, съехавший с обочины и моргавший аварийными огнями.

Это были обычные гражданские люди, мужчины среднего возраста, которые везли в госпиталь Сирта своего раненого товарища, лежавшего в кузове пикапа и державшегося руками за окровавленный живот, из которого выпали кишки.

Мы так и не узнали, кто были эти люди и за кого их приняли духи, открыв по ним огонь: вся левая сторона пикапа была изрешечена пулями. Водитель кое-как смог дотащить автомобиль до наших позиций и скончался, пикап потерял управление и слетел с дороги.

Доктор подбежал к автомобилю и стал оказывать помощь раненым, Рик, который неплохо разбирался в оказании первой медицинской помощи и вполне тянул на отличного санинструктора, принялся помогать ему.

У двоих пассажиров, сидевших позади водителя, были пулевые ранения в грудь.

На все ушло не более 10 минут, угроза жизни на какое-то время была устранена, состояние более-менее стабилизировано, но что делать дальше – мы не знали. Малец привел кого-то из уцелевших союзников, который до сих пор пребывал в состоянии шока после произошедшего накануне, и, на пальцах объяснив ему, что надо делать, усадил его за руль пикапа, водителя доктор с Риком аккуратно оттащили вправо, пристегнув ремнем безопасности к автомобильному сидению. Пикап резко набрал скорость и умчался – дальнейшая судьба этих людей для нас так и осталась загадкой.

Доктор стоял и смотрел вслед удаляющемуся на большой скорости пикапу. Сон был окончательно нарушен, на улице уже начинало светать – наступал новый день. Повернувшись к мечети, он устало побрел обратно и вдруг застыл, подняв взгляд на позиции погибшего расчета: такого он еще не видел в своей жизни. На месте гибели парней была огромная лужа крови размером 3 на 2 метра и два сплошных кровавых следа шириной около полуметра и длиной 25 метров – один вел к центральному входу и обрывался внутри мечети, а второй к боковому: это были следы волочения парней, которые потеряли просто немыслимое количество крови.

«Готовьтесь! Завтра в 6 утра штурм! – довел до нас приехавший на позиции Кэп.

За эти пару дней духи понесли огромные потери после ударов нашей артиллерии и авиации, решили не вступать с нами в бой и отошли в пустыню, начав там окапываться и возводить оборонительные сооружения. Сирт был наш!

Доктор стоял на посту и через бинокль смотрел в пустыню: там за ближайшей сопкой заканчивалась серая зона – и начиналась духовская территория.

– Доктор, там к тебе Сэм с Назаром приехали! Выйди к ним, я тебя подменю! – сообщил зашедший на пункт наблюдения Афоня.

Выйдя за ворота дома, где они жили, доктор увидел улыбающихся Сэма с Назаром, которые сообщили новость, от которой у него подкосились ноги и на глазах выступили слезы радости: «Братик, ты домой едешь! – у доктора уже шел 10-й месяц командировки, и крыша не то чтобы ехала, ее уже давным-давно унесло.

Заехав за ним рано утром, Сэм с Назаром отвезли доктора и Метана, у которого срок был такой же, на местный аэродром, с которого они должны были на Ан-28 перелететь до пересылочной базы Харуба, а оттуда уже в Сирию, которая давно была для нас чем-то вроде

дальнего Подмосковья. Доктор разрядил в воздух магазин из автомата – настроение у него было отличное.

На Харубе доктора вызвали в Особый отдел. За короткий путь, который он проделал до вагончика, обтянутого маскировочной сетью, доктор вспомнил все свои косяки еще задолго до прихода в компанию, но вроде все было ровно. Постучавшись, он услышал знакомый голос: «Заходи! – это был Рэд.

– Проходи, доктор, присаживайся! Не переживай, все нормально. Увидел тебя в списках отпускников – решил в гости пригласить! Давай чаю выпьем! – предложил доктору Рэд, наливая из чугунного чайника с иероглифами чай, и продолжил: – Рассказывай впечатления от командировки, я уже наслышан от 300-х о твоей работе. Красавчик, не зря я тебя тогда пропустил! – это была самая высокая и приятная оценка.

Побеседовав с Рэдом и узнав от него «секретную» информацию о том, что борт будет сегодня ночью, доктор пошел собирать вещи.

– Слышь, ты че там в ОсО терся? Нас на Молькино не подтянут потом? – подкалывали доктора коллеги.

– Не подтянут, не ссыте! Пакуйтесь – ночью борт! – обрадовал всех доктор.

Рампа самолета открылась, впустив горячий, с нотками морского бриза сирийский воздух в самолет. Аэропорт Хмеймим находился в Латакии, недалеко от моря и был последней контрольной точкой перед домом.

– Парни, приветствую вас в Саратове! Мы договорились с руководством базы – сейчас вас покормят в офицерской столовой, затем сдаете тесты на ковид, и вечером у вас борт в Россию! – старший направления и бывший санинструктор взвода Назара Фужер довел информацию до нашей группы.

– Огромная просьба – ведите себя скромнее и изобразите подобие строя, когда будете идти в столовую, а то у военных может испортиться аппетит и рухнуть привычный мир: от них руководство тщательно скрывает, что можно ходить на прием пищи неорганизованной массой! – Армейский дебилизм в конторе ненавидели до мозга костей, и Фужер изгалялся как мог, поднимая нам и без того хорошее настроение перед домом.

Изобразив подобие строя, мы несколькими колоннами двинулись на обед.

Бородатые, загорелые как негры, одетые кто во что горазд и далеко не однообразно, с безумными лицами после тяжелой боевой командировки – мы представляли собой то еще зрелище.

– ЕБАТЬ!!! Парни, смотрите, генерал!!! – доктор был тронут до глубины души, увидев настоящего генерал-майора. В конторе не было воинских званий – и нередко друг друга не знали даже по именам, только позывные. А здесь настоящий целый генерал – это тут же повергло всех в глубочайший шок и вызвало бурю эмоций.

Будто не веря своим глазам и желая убедиться, что это не сон, доктор потыкал генерала в плечо указательным пальцем. Но это был не сон – генерал не исчезал.

«Бля, генерал, генерал! – восторженным шепотом пронеслось по толпе.

Генерал от такой встречи охуел не меньше нашего, застыл на месте с широко открытым ртом, думая про себя: «Ебать! Это же наемники!!!» и с большим интересом и опаской рассматривал бойцов ЧВК.

О нашей компании здесь ходили легенды, и основывались они не только на слухах, доходящих сюда с передовой: после штурма Пальмиры в 2016 году Герой России – России психически нездорового человека, именно в такой стране могли быть такие Герои, – командующий группировкой генерал Задворников во всеуслышание усомнился в том, что на Пальмире наши столкнулись с сопротивлением.

То, на что оленивод в докладе президенту закладывал 2 месяца, группа «Вагнера» выполнила за 2 дня, точнее, за 6 часов, именно за столько была взята легендарная высота 939 – ключ

к Пальмире, после этого духовская оборона посыпалась, держать Пальмиру им стало крайне неуютно.

Результат настолько ошеломил высшее военное руководство страны, что все просто отказались верить данному факту.

«Да я себе пулю в лоб пушу, если окажется, что там хотя бы один дух был! – пафосно заявил на совещании генерал Задворников, намекая на то, что его честь, честь офицера, была все еще при нем.

«Несмотря на все минусы, у Чукчи было одно охуенное качество – ему было по хуй, к кому в кабинет дверь с ноги открывать! – поделился как-то Малец воспоминаниями о первом командире 2-го ШО. И это было правдой.

– Малец, берешь с собой пару бойцов, возвращаетесь обратно на Пальмиру и отрезаете духам головы, после везете их сюда! Как понял меня? – поставил задачу взводу Мальца Чукча.

– Понял, командир, сейчас сделаем! – ответил Малец и, взяв с собой отделение Назара, умчался в направлении Пальмиры.

Духов там лежало в избытке, бои за 939 шли нешуточные, и парни так вошли в азарт, что нарезали целый мешок.

Вернувшись обратно на Хмеймим, Назар с Мальцом с огромным трудом вытащили мешок с отрезанными головами из кузова пикапа и скинули его на асфальт перед входом в штаб группировки.

Подошедший Чукча достал из мешка самого колоритного игиловского (запрещена в РФ) персонажа с длинными волосами и огромной бородой, взял его за волосы левой рукой, а правой извлек из набедренной кабуры «стечкин» и направился в штаб.

Поговаривают, что тем из военных, кому «посчастливилось» видеть идущего по коридору штаба Чукчу с отрезанной головой в одной руке и со «стечкиным» в другой, после перенесенного стресса дали по ордену Мужества и первым же бортом отправили на санаторно-курортное излечение в Анапу.

«Где этот пидор? Я сейчас сам ему пулю в лоб пушу!!! – задал вопрос адъютанту командующего Чукча и в свойственной ему манере – с ноги – вынес дверь к генералу в кабинет. Пройдя внутрь, он бросил отрезанную голову ему на стол и спросил: «Ну что, пидор, готов стреляться?!»

Но пидор, то есть генерал, был не готов – и, поблуднев, медленно сполз под стол. Вечером того же дня его в экстренном порядке с инфарктом эвакуировали на Россию, и больше на Хмеймиме его не видели.

После такого происшествия кипеж на Химках поднялся неслабый, и приехавший разруливать ситуацию Девятый подошел к бойцам Мальца – и задал вопрос: «Че здесь случилось, парни?» Не дождавшись ответа, он тут же удивленно добавил: «О, а это что такое? – и со всей силы пнул мешок с головами ногой. От удара часть голов высыпалась, и Девятый, поставив ногу на одну из них, построил бойцов в шеренгу и проводил построение – толкая патристическую речь о защите Отечества.

Ил-76 взревел турбинами так, что у всех мгновенно заложило уши, и, резко качнувшись назад, стремительно стал набирать скорость. Доктор задумчиво смотрел в иллюминатор. Его первая командировка была окончена, впереди ждала встреча с домом, в который возвращался он уже совсем другим человеком. После небольшого отпуска он вернется обратно и пройдет еще три войны в компании, станет командиром медицинской группы отряда и переживет еще немало событий, но первая командировка для него навсегда останется в памяти.